

A romantic couple is shown in a close-up, about to kiss. The man is on the right, leaning towards the woman on the left. The background is a soft, out-of-focus white. The text 'ИННА ИНФИНИТИ' is in the upper left, and 'ЛЮБЛЮ ТЕБЯ' is at the bottom in large letters. A faint, cursive phrase is visible in the middle.

ИННА
ИНФИНИТИ

Я люблю тебя
ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Инна Инфинити

Люблю тебя

<https://litres.ru/74413617>

Аннотация

Шесть лет назад Никита Свиридов бросил меня, выбрав карьеру. Теперь он всемирно известная звезда футбола, а мне пришлось собирать себя по осколкам. У меня получилось перешагнуть через свою болезненную любовь и начать жизнь с чистого листа. Так что я легко смогу выдержать случайную встречу с Никитой. Подумаешь. Я ведь больше его не люблю. А что ко мне чувствует он?

Содержание

Глава 1. Футболист из списка Форбс	4
Глава 2. Встреча выпускников	12
Глава 3. Я больше его не люблю	20
Глава 4. Шок-контент	28
Глава 5. Уходи	35
Глава 6. Вскрытая рана	40
Глава 7. Разочарование	46
Глава 8. Фанатка	56
Глава 9. Клип	61
Глава 10. Могила	67
Глава 11. Усатый мужик	73
Глава 12. Гость	79
Глава 13. Дело	85
Глава 14. Ключи	89
Глава 15. Психопат	93
Глава 16. Чай	102
Глава 17. До никогда	108
Глава 18. Криминальный мир	115
Глава 19. Во имя любви	124
Глава 20. Рома Скелет	131
Глава 21. Хочу тебя	139
Глава 22. Фейерверки	150
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Глава 1. Футболист из списка Форбс

Лиля

Глаза то и дело тянутся к правому нижнему углу монитора, на котором указано время. 17:00. До конца рабочего дня два часа. Я сдала редактору репортаж о соревнованиях и, в принципе, уже свободна. У журналистов нет строгого графика. Сдал текст — и иди гуляй.

— Форбс поставил Никиту Свиридова на первое место в списке самых высокооплачиваемых российских футболистов, — громко говорит Лёша, мой коллега, который пишет про футбол. — Оценивают его состояние в пятьдесят миллионов долларов.

Я аж давлюсь и начинаю громко кашлять.

— Во сколько??? А главное — за что? — не выдерживаю и озвучиваю мысли вслух.

— Ну слушай, он играет в Германии. Три года назад его клуб выиграл Лигу Чемпионов, в прошлом году второе место занял. Плюс он главный нападающий сборной России. И не забывай, что у футболистов основной доход идёт не от футбола, а от рекламы. Свиридов кучу брендов рекламирует.

Насчет рекламы, допустим, я согласна. Никита и правда чуть ли не по каждому телеканалу выступает в рекламе то

шампуней, то банковских карточек, то кроссовок, то чипсов.

— И толку от того, что он главный нападающий сборной России? — фыркаю. — Как не умела наша сборная играть в футбол, так до сих пор и не умеет.

— Ты не права. Во-первых, не все зависит от одного Свиридова. Футбол — это командная игра. Во-вторых, немало важную роль играет стратегия, которую выбрал тренер. Но все равно на Чемпионате Европы мы вошли в одну восьмую, а сейчас отобрались на Чемпионат мира.

— И как всегда, опозоримся там.

— Ну, из группы точно выйдем.

Скептически морщусь. Лёша слишком хорошего мнения о сборной России по футболу в целом и о ее главном нападающем в частности.

— Пятьдесят миллионов долларов, кстати, не так уж и много, — продолжает Лёша. — Например, состояние Криштиану Роналду оценивается в пятьсот миллионов долларов. А состояние Лионеля Месси в шестьсот. Так что Свиридову ещё есть, куда расти.

— А состояние врача на скорой помощи, который каждый день спасает жизни, во сколько оценивается? — возмущаюсь. — У футболистов неоправданно высокие зарплаты!

— Ну слушай, футбол — это самый зрелищный вид спорта и супер-прибыльный бизнес. На одних только футболках с именами футболистов клубы зарабатывают десятки миллионов долларов. А врач на скорой помощи — это бюджетник.

Какую зарплату ты хочешь от государства?

— И все равно у футболистов неоправданно высокие зарплаты, — бурчу под нос.

— Свиридов стоит дорого ещё и потому, что на данный момент он единственный футболист двадцать первого века, который забил все пенальти. За семь лет профессиональной карьеры Свиридов ни разу не промахнулся с пенальти.

Хмыкаю. Вспомнилось, как Никита говорил мне, что его самый большой страх — это не забить пенальти. Надо же, держит планку. А впрочем... мне глубоко наплевать.

Через перегородку появляется голова Лены, корреспондента отдела культуры. Она пишет про театральные спектакли и балет.

— Леш, а у Свиридова есть девушка или жена? — кокетливо интересуется.

— А я откуда знаю?

— Ну ты же пишешь про футбол.

— Вот именно, я пишу про футбол, а не про личную жизнь футболистов.

— Лен, погугли, — доносится голос ее коллеги Веры, которая пишет про кино. — Набери в интернете «Никита Свиридов личная жизнь». Мне тоже интересно, есть ли у него кто-нибудь.

А вот тут я заметно напрягаюсь. Надеюсь, эти курицы не нагуглят меня. Они только и делают, что целый день обсуждают холостых актеров и певцов. На интервью к ним наря-

жаются, как на подиум. Теперь их заинтересовал футболист из списка Форбс. И мне было бы абсолютно все равно, что они вздыхают по Никите, если бы в интернете не хранились наши с ним совместные фотографии. Ведь шесть лет назад папарацци часто ловили нас вместе.

— Пишут, что он встречается с какой-то итальянской моделью. А до неё встречался с певицей.

Облегченно выдыхаю. Меня не нагуглили. Не хотелось бы отвечать на неудобные вопросы. К тому же отношения со Свиридовым — это очень неприятная часть моей жизни. Не люблю возвращаться к ней даже мысленно.

— Эх, жалко, — разочарованно вздыхает Вера. — Мало того, что Свиридов богатый, так он же ещё реально красивый. Но такие парни, как он, конечно, встречаются только с моделями, певицами или актрисами. Простые девушки их не интересуют.

— Если бы у меня было пятьдесят миллионов долларов, — вставляет Лёша, — я бы тоже встречался только с моделью, певицей или актрисой. И чтобы она обязательно была не старше двадцати пяти. А лучше двадцати трех.

— Интересно, что бы сейчас сказала твоя жена? Кажется, ей двадцать восемь, и она бухгалтер? — едко интересуюсь.

Лёша не успевает ответить на мою колкость, потому что через перегородку снова появляется голова Лены.

— Леш, а ты не планируешь брать у Свиридова интервью?

— Перед Чемпионатом мира возьму, он уже согласился.

А что?

— А можно я пойду с тобой на интервью к Свиридову?
— спрашивает и делает глаза, как у кота из известного мультика.

— С какой ещё стати? Ты работаешь в отделе культуры и пишешь про балет.

— А футбол — это как балет, только не на сцене, а на траве.

Лёша прыскает от смеха, а я, закатив глаза от тупости Лёны, выключаю компьютер и встаю с места. Пора собираться. Подхожу к шкафу, достаю из него платье в чехле и иду переодеваться в туалет.

Сегодня у нас встреча выпускников. Восемь лет, как мы закончили школу. А встреча выпускников — это такое противное мероприятие, на котором нужно выглядеть на все сто и сверкать успехом, даже если в твоей жизни никакого успеха подавно нет. За неделю до встречи выпускников нужно начать ходить в салон красоты на всевозможные процедуры, купить новое платье, новые туфли (желательно с красной подошвой, чтоб прокатили за Лабутены), а в день встречи сделать вечернюю причёску и макияж.

Конечно, ничего из этого я не планирую. Я ведь не самоутверждаться иду, а повидать друзей.

К тому же на дворе конец февраля и мороз. Такая погода не располагает к коктейльным нарядам. Но не удивлюсь, если добрая половина моих одноклассниц припрется вся из

себя. Это будут те, кто уже успел выйти замуж, родить и развестись. Они изо всех сил будут стараться понравиться холостым одноклассникам. Вдруг кто-то поведется на их прелесть спустя восемь лет после выпускного. Из парней у нас, кстати, женился только Вова. Я искренне рада, что он все-таки встретил свою настоящую любовь. Остальные мальчики из класса не женаты.

Никиты на встрече выпускников не будет. Поэтому я и иду. Если бы он подтвердил свое присутствие, я бы не пошла. Я не боюсь случайной встречи с Никитой, но специально идти туда, где будет он, я не хочу.

Пять лет психотерапии помогли мне избавиться от большой любви, пережить выкидыш и смириться с бесплодием. У меня не ёкает сердце, когда вижу Никиту в рекламе по телевизору или когда его кто-то обсуждает. Вот как сейчас Леша и Лена. Мне абсолютно все равно, что у Никиты в личной жизни. Встречается он с моделью или женился на ней. Мне безразлично. Я без страха езжу в гости к родителям, не опасаясь случайно столкнуться с Никитой или его матерью в подъезде. Семья Свиридовых по-прежнему живет по соседству с моими родителями, а сам Никита периодически приезжает навестить отца и мать.

Но если я точно знаю, что в конкретном месте и в конкретное время будет присутствовать Никита Свиридов, специально я туда не пойду.

Когда наша школьная староста неожиданно создала чат,

включила туда весь класс и предложила всем собраться, я сразу решила, что соглашусь, только если не будет Свиридова. Он долго молчал и не подтверждал участие. Потом одним из последних написал, что очень хотел бы приехать, но никак не получится. В плотном графике всемирно известного футболиста из списка Форбс не нашлось времени для встречи с одноклассниками.

Естественно, его начали уговаривать приехать. Всем не терпится прикоснуться к звезде. И только когда Никита десять раз повторил, что нет, никак не сможет, ну совершенно не получается, я написала в чат, что приду. Но перед тем, как подтвердить свое участие, я на всякий случай выждала пару дней после отказа Никиты. Вдруг бы он передумал.

Я переодеваюсь в простое, но красивое платье чуть выше колен. Оно темно-синего цвета, хорошо сидит по фигуре и отлично сочетается с черными колготками и черными высокими сапогами. Прохожусь по волнистым волосам расческой, достаю из сумки косметичку и принимаюсь делать неяркий макияж.

Вернувшись в редакцию, подхожу к начальнику.

– Коооль, – стучу по его плечу.

Он снимает с себя большие наушники, из которых орет тяжелый рок, и поднимает на меня голову.

– Ты прочитал мой репортаж?

– Да.

– Есть вопросы?

– Нет.

– Можно я пойду?

– Иди, но будь на связи. Вопросы могут появиться у выпускающего или у главного редактора.

– Да, конечно.

С чистой совестью вызываю такси и отправляюсь в ресторан, в котором для нас забронирован целый зал. В груди играет приятное волнение, на лице улыбка. Увижу Соню, Ульяну и других ребят. Даже Вова придет, хотя пару месяцев назад у него родился ребенок. Я уверена: это будет мой лучший вечер пятницы за последнее время.

Глава 2. Встреча выпускников

Лиля

Когда я приезжаю, половина одноклассников уже тут.

— Лиля!!!! — верещит при виде меня Лера Полежаева.

Она несётся ко мне, едва не ломая ноги на шпильках. — Боже мой! Как я рада!

Лера виснет у меня на шее, расцеловывает в щеки. Потом отстраняется и оглядывает меня с головы до ног.

— Ну какая ты стала красотка! Так похорошела после школы!

Это намёк на то, что в школе я была страшной?

— И я очень рада тебя видеть, — улыбаюсь. — Как твои дела? Чем занимаешься?

Лера томно закатывает глаза.

— Наконец-то ребёнок переболел всеми возможными болезнями и стал нормально ходить в садик на полный день. У меня теперь появилось время на себя. Пошла учиться на заочное и устроилась на работу.

Перевожу взгляд на безымянный палец ее правой руки. Кольца нет. Я была права, когда говорила, что Полежаева залетит после школы.

— А ты чем занимаешься? — спрашивает.

— Я работаю спортивным журналистом в газете. Пишу про легкую атлетику и летние виды спорта.

— Ого, как интересно! А замужем? Дети есть?

— Нет. Не замужем, детей нет.

— Ну не расстраивайся! Ты такой красивой стала. Обязательно кого-нибудь найдёшь.

Что за...? Полежаева как была сучкой, так ею и осталась.

— А ты замужем? — ехидно интересуюсь.

— У меня есть любимый мужчина, — приосанивается.

— Как замечательно! — хлопаю в ладоши. — Я уверена, он женится на тебе, несмотря на твоего ребенка.

Фу, она меня раздражает. Не дожидаясь от неё нового вопроса, иду встречать Соню. Она как раз заходит в зал.

— Привет, дорогая, — крепко обнимаю лучшую подругу.

— Привет, Лиль.

Мы держим друг друга в объятиях несколько секунд. Не передать словами, какой виноватой я чувствую себя перед Соней за то, что вычеркнула ее из своей жизни почти на пять лет. У меня была долгая затяжная депрессия, поиск себя и своего места в мире, попытки забыть Никиту и начать жизнь с чистого листа. В это тяжелое для меня время я хотела быть одна. Меня тяготила забота близких, раздражали их попытки мне помочь. Я никого не хотела видеть и ни с кем не хотела разговаривать. Даже с моими ближайшими подругами Соней и Ульяной.

Год назад я сама позвонила им обеим, поняв, насколько сильно я их люблю и скучаю. Какое счастье, что и Соня, и Ульяна простили мне мое поведение в течение долгих лет.

В их жизнях тоже многое изменилось. Соня развелась с мужем и летом выходит замуж за... Диму Соболева, отца своего ребёнка. После школы Соню жестоко обманули, сказав, что Дима умер. Оказалось, он просто ушел в армию, потом подписал контракт и стал военным. Соня семь лет жила и растила их сына, думая, что Димы нет в живых.

У меня большой вопрос к Соболеву, почему он ни разу не позвонил Соне. Все-таки в школе они сильно любили друг друга. Да, расстались. Да, Сониная мать не давала им быть вместе. Но можно же было хоть раз позвонить девушке, которую ты любил! Не знаю, там, с днём рождения поздравить, например. Даже Никита звонил мне один раз после расставания, чтобы поздравить с двадцатилетием, хотя ни о какой любви Свиридова ко мне никогда и речи не шло.

Ну да ладно, главное, что Соня и Дима нашли друг друга и теперь вместе воспитывают своего сына, а летом поженятся. Я буду на их свадьбе свидетельницей.

— Ты одна? — спрашиваю. — Без Димы?

— Да, он с Владом остался.

— Почему не пришел?

— Не захотел. Он же в нашей школе всего месяц проучился. Дима не воспринимает наш класс как своих одноклассников.

Ну да, резонно. Дима Соболев и правда проучился с нами всего около месяца, пока Сониная мама — директор нашей школы — не застукала их почти голыми и почти занимаю-

щимися сексом. После этого неприятного инцидента Диме пришлось покинуть нашу школу.

— Как твоя мама сейчас с ним?

— Нууу.... — тянет. — Конечно, ее мнение о Диме не изменилось, но сейчас она хотя бы держит его при себе, а не навязывает мне. Зять ее мечты — Игорь, а не Дима.

Горбатого могила исправит.

В ресторан заходит Вова. Он слегка поправился и слегка полысел. Не сильно, но заметно. В общем, типичный семьянин. Мы обнимаемся по-доброму. К счастью, нет никаких обид с его стороны. Вова счастлив с женой и дочкой. У него очень милая семья, судя по фотографиям в соцсетях.

Потом появляется Ульяна и своей неиссякаемой энергией объединяет всех присутствующих. Ещё пара человек опаздывает, но мы решаем их не дожидаться и садимся за сдвинутые в ряд столы. В целом, встреча выпускников именно такая, какой я и предполагала, что она будет. А именно, добрая половина одноклассников старается продемонстрировать свой успешный успех, крутя в пальцах последний айфон, купленный в кредит.

— Народ, а вы видели, что Свиридов стал самым высокооплачиваемым футболистом России? — громко спрашивает Илья. — У него состояние — пятьдесят миллионов долларов.

Ещё одна обязательная часть программы на встрече выпускников — это перемывать косточки тем, кто не пришел.

А Свиридов как главная звезда нашей школы сейчас отхватит эту долю с лихвой. Я знала, что обсуждать будут только Никиту и морально к этому подготовилась. Хотя Соня и Ульяна по правую и левую руку от меня заметно напряглись. Видимо, переживают за мое моральное состояние.

— Я не понимаю, почему Свиридов так взлетел, — парирует Андрей. — По-моему, он вообще играть не умеет.

— Да не, играет он нормально, — отвечает Илья. — Но пятьдесят лямов баксов — это, конечно, перебор.

— Да где он нормально играет? — спорит Андрей. — В Германии да, но потому что у него в принципе сильный клуб. А за нашу сборную он как играет? Да вообще не умеет.

— Потому что наша сборная в принципе говно, и один Свиридов ее конфеткой не сделает, — вставляет Вова. — Никита играет хорошо, но он не может тянуть на себе всю команду. В нашей сборной кроме Ника нет больше нормальных игроков.

— Ты его защищаешь, потому что в школе вы были друзьями! — Андрей разоблачительно тычет в Вову пальцем.

— Да при чем тут это? Мы давно не общаемся. Я сужу объективно. Никита — сильный футболист, но он не может вытянуть на себе всю сборную, потому что кроме него там ещё десять игроков и тренер. Он не может научить их всех играть в футбол, как в Германии.

— Сонь, — в спор вклинивается Лера. — А ты, наверное, жалеешь, что бросила Никиту в школе, да? — ехидничает.

— Сейчас бы была женой долларового миллионера.

Я хочу упасть лицом в ладонь. Ну почему жизнь матери-одиночки не прибавила Лере мозгов?

— Нет, я не жалею, что рассталась с Никитой, — отвечает Соня. — Я жалею, что вообще стала с ним встречаться.

— Почему? — удивляется.

— Лер, — вставляет Ульяна. — А ты не жалеешь, что нарезала круги вокруг новенького Димы Соболева, когда надо было делать это вокруг Свиридова? Сейчас бы была женой долларового миллионера. Не умеешь ты, Лера, в мужиках разбираться.

В последнюю фразу Ульяна вкладывает особый смысл. Лера замолкает с каменной физиономией. Хорошо, ко мне никто не лезет как к бывшей девушке Никиты. Не знают, что ли, что мы встречались после школы? Странно, мы выкладывали в соцсети совместные фотографии. Ну, мне же лучше, что меня никто не мучает.

Но разговор об одном только Никите начинает порядком утомлять. Некого больше обсудить, что ли? Свиридов не единственный, кто пропустил встречу выпускников. Можно ещё кому-нибудь косточки перемыть. Серёже, например. Он поехал учиться в магистратуру в Канаду и там остался жить. В конце концов, можно обсудить воскрешение Димы Соболева. Хотя, наверное, стесняются при Соне. В общем, тем для разговоров достаточно, но все хотят обсуждать только Свиридова и его деньги.

Часа через полтора народ наконец-то начинает вставать из-за столов и рассредотачиваться по залу с напитками в руках. Я немного общаюсь с Вовой, потом с другими ребятами и возвращаюсь к своим Соне и Ульяне.

— Ну как ты? — участливо спрашивает Софья, имея в виду, что больше двух часов разговор был только о Никите.

— Нормально, — пожимаю плечами.

— Полежаева как была без мозгов, так и осталась, — качает головой Уля.

— Да по фиг на нее.

Гул голосов в зале резко стихает. Все поворачивают головы к выходу. Я стою к нему спиной и кожей чувствую что-то неладное. Глаза Сони расширились в ужасе.

— Лиля, ты только не оборачивайся назад, — шепчет.

— Ну вы только посмотрите кто приехал! — взмахивает вверх руками Илья. — Никитос, мать твою!

Я чувствую, как мое сердце с грохотом летит в пропасть. Пока все присутствующие устремляются наперегонки к Никите, я стою, словно громом поражённая. Слышу, как его приветствуют. Слышу, как он отвечает ребятам. Его голос... Господи, он такой же. Совсем не изменился. Тембр отдаёт вибрациями по моему телу, голова кругом.

Не знаю, сколько секунд или минут проходит. Кажется, он там уже со всеми обнялся и поздоровался. Ну, судя по тому, что Соня с Ульяной были вынуждены нацепить улыбки и тоже пойти его поприветствовать. Одна я осталась стоять

спиной.

Не, ну, прям так демонстративно свое пренебрежение я показывать не хочу. Мне же не пять лет. Сделав глубокий вдох, разворачиваюсь. Весь мир разлетается на осколки. Потому что Никита обнимает кого-то из одноклассников, а поверх плеча смотрит ровно на меня.

Глава 3. Я больше его не люблю

Лиля

Я стою и смотрю на Никиту, не зная, куда себя деть. Подходить, как все, не хочу. Но в то же время демонстративно стоять одной в стороне, когда все окружили Свиридова, странно и в глазах других подозрительно.

Никита сам решает за меня эту задачу. Выпускает из объятий одноклассника, обходит его и направляется ко мне. Он приближается, как в замедленной съемке. Надвигается на меня как нечто неизбежное, от чего невозможно скрыться. Я стою парализованная и не могу пошевелиться. Смотрю на него. Зачем-то отмечаю, что он стал намного сильнее в плечах. Мужественнее. Я разлюбила Никиту, но какой же он все-таки красивый.

Вот он совсем близко. Остался один шаг.

— Привет, — его руки смыкаются на моей спине. Я каменею. Никита обнимает меня, прижимает к своему телу. В ноздри просачивается его запах. Боже мой, он такой же. — Лиля... — тихо говорит на ухо и ведёт носом по моей коже на щеке. — Столько лет...

Его объятие становится ещё крепче. Он сжимает меня так сильно, что, кажется, сейчас треснут кости. Никита падает лбом мне на сгиб между шеей и плечом, глубоко втягивает воздух и задерживает его в лёгких.

Что он творит!?! На глазах у всех! На нас же таращатся!

— Привет, — отвечаю и делаю резкий шаг назад, выпутываясь из его объятий. Цепляю на лицо улыбку. — Рада тебя видеть, Никита!

Это все как будто не со мной происходит. Как будто не Никита стоит передо мной. Как будто не Никита прижимал меня к себе две секунды назад. Как будто не его прикосновения я ощущаю на своем теле.

— Ну чего все встали, как вкопанные! — Ульяна соображала, что меня срочно нужно спасать. — Давайте все выпьем за встречу! Никита, тебе что налить?

— Я буду сок, — наконец-то отвлекается от меня, что позволяет мне вдохнуть и выдохнуть.

— Сок!?! У нас таких напитков нет. Самое легкое — вино.

— Не, ребят, сорри. Алкоголь вообще не пью. Если сока нет, тогда воду.

— Не пьёшь вообще алкоголь!?! — изумляется Вова. — Да не гони. Вино ты всегда пил.

— Уже давно не пью.

— Почему?

— Потому что у меня в контракте с клубом написано, что я не должен пить алкоголь.

— А мы твоему клубу не скажем.

— Нет, ребят, извините. Алкоголь не пью даже в отпуске. А сейчас я и не в отпуске. У меня завтра в девять утра тренировка.

Автоматически перевожу взгляд на часы на запястье. Де-
вять вечера.

На часы смотрю не только я, потому что Илья тут же за-
дает вопрос:

— Тренировка в Москве со сборной?

— Нет, в Мюнхене с клубом. Я только что прилетел, пару
часов с вами побуду и полечу обратно. Не могу пропустить
тренировку. И тем более не могу явиться на неё с перегаром.

Воцаряется молчание. Слова Никиты прозвучали так, как
будто он проехал к нам пару остановок на автобусе, а не ле-
тел на самолёте из далекой страны.

— Ну, воду так воду, — Ульяна снова спасает ситуацию.
— Давайте уже выпьем!

Присутствующие бурно поддерживают это предложение.
Все берут в руки бокалы, Никите дают стакан воды. Даже я
держу в руках свое недопитое шампанское. Все ещё не верю
в происходящее. Это точно не сон? По-моему, самый насто-
ящий кошмар. Побыстрее бы проснуться.

Вот только я не просыпаюсь.

Никита чокается с каждым и медленно приближается ко
мне. Первый порыв — залпом опустошить бокал, чтобы не
ударяться с ним стеклом. Усилием воли останавливаю себя.
Ну что за детский сад, в самом деле? Нет, я не буду демон-
стративно воротить нос и показывать обиду. Во-первых, и
обида никакой уже давно нет. Осталось только безразличие.
Во-вторых, не для того я пять лет ходила к психиатру и пи-

ла антидепрессанты, чтобы сейчас трусливо бежать. Я спокойно могу вынести пару часов в обществе Никиты. Я ведь больше его не люблю.

— Я очень рад тебя видеть, Лиль, — говорит, когда подходит ко мне.

Наши бокалы издают звон.

— И я тебя, Никит, — улыбаюсь. — Молодец, что смог приехать.

— Как твои дела?

— Хорошо, а твои?

Никита не успевает ответить, потому что мой ангел-хранитель Ульяна вновь меня спасает.

— Никитос, офигеть! Сколько же мы не виделись! — хватает его под руку и отводит чуть в сторону.

У Ульяны талант — убалтывать людей. Ей надо было становиться не аудитором, который проверяет скучную бухгалтерию, а телеведущей. У нее бы отлично получилось вести какое-нибудь скандальное ток-шоу.

— Ты как? — участливо спрашивает Соня.

— Все нормально.

— Хочешь, отвезу тебя домой? Я приехала за рулем.

Соня тоже пьет воду.

— Нет, что ты! Я не буду трусливо бежать. Сегодня вечер пятницы, я сто лет никуда не выбиралась, я очень хотела прийти сюда и повидать всех вас, так что я не собираюсь сбегать. Кто он такой, чтобы я из-за него меняла свои планы

на вечер?

Соня сжимает мою ладонь.

— Ты большая молодец, Лиль. Но если вдруг тебе станет некомфортно, сразу скажи, и мы уедем.

— Конечно.

Я уеду тогда, когда я планировала изначально, и ни минутой раньше. А именно в 22:30. Вызову такси и поеду домой. Завтра буду спать до двенадцати. Потом пойду в бассейн. После него посмотрю дома сериал. А вечером у меня свидание. Год назад я зарегистрировалась на сайте знакомств и активно хожу на встречи с парнями. Правда, дальше третьего свидания у меня ни с кем не заходило, но я не теряю надежды. С Виталиком как раз третье свидание и будет. Надеюсь, не последнее.

Однако как я ни стараюсь оставаться спокойной, а все равно чувствую напряжение в теле. А ещё — взгляд Никиты на себе. От него не отлипают, задают миллион вопросов. И вроде он увлечённо общается с ребятами, а все равно я кожей ощущаю его внимание к своей персоне. Это усложняет задачу наслаждаться вечером.

Чтобы не выглядело, что я ворочу нос, позволяю себе пару раз посмотреть на Никиту. Для долларового миллионера из списка Форбс он одет слишком просто: кроссовки, джинсы, джемпер. Нет ни золотых часов на запястье, ни золотых перстней на пальцах, ни каких-то ещё атрибутов, демонстрирующих его статус. А потом Никита достаёт из кармана те-

лефон, и, кажется, это НЕ последний айфон. Поразительно. У долларового миллионера смартфон хуже, чем у половины присутствующих здесь.

— Никитос, так сколько ты зарабатываешь? — до меня доносится вопрос изрядно пьяного Ильи.

Все затихают в ожидании ответа.

— Да как обычный футболист.

— А сколько зарабатывает обычный футболист?

— Какой-то конкретной суммы нет, зарплата из многих факторов складывается. В скольких матчах сыграл, сколько голов забил. Ещё доход зависит от успехов клуба в целом, победы в важных турнирах.

— Так это правда, что у тебя пятьдесят лямов баксов? — не унимается.

Деньги Никиты не дают Илье покоя весь вечер. И не только Илье.

— Да я не знаю, если честно... — очевидно, что Никита не хочет отвечать. — Я никогда не считал свои деньги. Мне там приходит что-то на карточку. Я особо не смотрю. Я играю в футбол не ради денег.

— А в рекламе снимаешься ради денег?

Закатив глаза от невоспитанности Ильи и не дожидаясь ответа Никиты, иду к своему месту за столом. Открываю сумочку, достаю телефон и обмираю. Шесть пропущенных вызовов от начальника!

Блин! Блин! Блин!

Коля же велел быть на связи, когда отпускал с работы пораньше. Стремительно выбегаю из зала, беру в гардеробе пуховик и выскакиваю на улицу. Морозная ночь приятно освежает покрасневшее от духоты и нервов лицо. Отхожу от двери ресторана на пару метров, приваливаюсь плечом к зданию и звоню начальнику.

— Лиль, ну какого хрена? — раздается в трубке его возмущённый голос.

— Коль, прости, не слышала. Что-то срочное? У главного редактора вопросы по моему репортажу?

— Нет, с репортажем все нормально, уже заверстали в газету. Витя заболел, берет больничный. В понедельник сходи вместо него на соревнования по фигурному катанию. Надо будет написать текст и взять интервью у одной фигуристки.

— Да, конечно.

— Напиши ему. Он тебе скинет, куда ехать и у кого интервью брать. Вопросы ещё на согласовании, их скорее всего в понедельник утром утвердят. Но ты все равно на выходных подготовься, почитай про эту фигуристку, чтоб в теме быть и понимать, кто перед тобой.

— Хорошо, я напишу Вите.

Кладу трубку и хочу написать сообщение коллеге, как слышу хлопок двери ресторана за спиной. И снова по позвоночнику ползёт *тот самый* озноб. Резко разворачиваюсь и встречаюсь с пронзительным взглядом Никиты.

— Как ты, Лиля? — спрашивает после паузы в несколько

секунд.

Я понимаю: в этот вопрос Никита вкладывает намного больше смысла, чем в ресторане, когда интересовался, как мои дела.

Глава 4. Шок-контент

Лиля

— Да нормально, Никит. Живу, работаю.

Я выбежала на улицу без шапки, дует ветер, поэтому ёжусь от холода. Никита вовсе в расстегнутой куртке стоит. Тоже, видимо, торопился.

— Кем работаешь?

— Спортивным журналистом в газете. Пишу про легкую атлетику и летние виды спорта.

Его правая бровь удивленно ползёт вверх.

— Журналистом? Ты разве хотела стать журналистом?

— Нет, но так сложилось.

— Тебе нравится?

Пожимаю плечами.

— Уже привыкла.

Никита с пониманием кивает. На несколько секунд воцаряется тишина, прерываемая только проезжающими мимо машинами и голосами прохожих.

— Ты замужем?

Вопрос звучит так же неожиданно, как выстрел среди бела дня. Таращусь на Свиридова, думая, что ослышалась. Когда понимаю, что услышала верно, меня начинает разбирать смех.

— Нет, — отвечаю с легким хохотом. — Что за вопрос?

— Просто интересно. Я думал, ты вышла замуж.

От изумления смех застревает в горле. Как ему вообще могло такое в голову прийти?

— Просто ты переехала от родителей, — поясняет. — Я знаю, что второй квартиры у вас нет и вряд ли бы тебе ее купили. Ну и вряд ли бы ты стала снимать.

— Я снимаю.

— А, да?

— Да.

Я все ещё в шоке. Он что, реально думал, что я вышла замуж, раз съехала от родителей?

— А почему решила переехать? Я помню, ты не собиралась никуда съезжать от родителей. Тебе нравилось с ними жить.

— Надоела их опека.

Ну и ещё не хотела видеть тебя и твою мать, добавляю мысленно.

— Понятно...

— Ну ты бы хоть в моих соцсетях посмотрел, нет ли у меня свадебных фотографий! — восклицаю в сердцах, когда между нами снова возникает пауза.

Уму непостижимо. Это ж надо было до такого додуматься: я переехала, потому что вышла замуж!

— Я смотрел. Ну мало ли, вдруг ты не выкладываешь.

— У родителей бы моих спросил.

— Я один раз встретил твоего отца во дворе и спросил у

него про тебя. Он был со мной, мягко говоря, не вежлив.

О как. А папа мне не рассказывал, что видел Никиту. Родители в моем присутствии вообще про Свиридовых не говорят. Как будто этой семьи не существует. Но это ладно. Тут другой вопрос вырисовывается: откуда у Никиты такой интерес к моей личной жизни?

— Встречаешься с кем-нибудь? — добивает меня новым вопросом.

А что на это ответить, честно, не знаю. Я сходила на два свидания с Виталиком с сайта знакомств. Завтра пойду на третье. Мы с ним встречаемся? Я об этом ещё не думала. Виталик милый парень, на год старше меня, работает кардиологом в поликлинике. Не могу сказать, что я только о нем и думаю в ожидании нашей третьей встречи, но в целом мне было приятно в его обществе.

Мое молчание затягивается.

— С чего вдруг у тебя такой интерес к моей личной жизни? — выпаливаю.

Если честно, меня это даже возмущает. Устроил мне тут, блин, целый допрос. Какое его дело, встречаюсь я или замужем я?

Никита молчит.

— Я замёрзла, — заявляю и направляюсь ко входу в ресторан. Спohватившись, Никита открывает мне дверь.

Войдя внутрь, понимаю, что и правда заledenела на морозе без шапки. Меня начинает колотить, зуб на зуб не попа-

дает. Подхожу к гардеробу, Никита стоит у меня за спиной. Сейчас его близкое присутствие ощущается особенно остро. Я натягиваюсь как струна.

— Давай помогу, — говорит, когда я расстегиваю пуховик.

Снимает его с меня и сдаёт в гардероб. Потом быстро свою куртку. Слегка удивившись такой галантности, разворачиваюсь в сторону зала, как Никита останавливает меня за запястье.

— Лиль... — выдыхает.

Его прикосновение обжигает. Кожа гореть начинает. Если это не остановить, пламя разрастется и сожжет меня до тла. Выдергиваю руку. Получается грубо, но что-то мне надоело быть вежливой со Свиридовым.

— Никита, что ты хочешь? — спрашиваю прямо в лоб.

— Я хочу поговорить с тобой.

— Мы только что поговорили.

— Этого мало. Лиль, давай уйдём отсюда?

Вот это предложение! Я аж теряю дар речи от такой наглости.

— Мы можем поговорить? Пожалуйста.

— У меня нет тем для разговоров с тобой.

Устремляюсь в зал, пока Никита снова меня не задержал. Я правда хотела быть со Свиридовым вежливой и общаться с ним нейтрально, как с остальными ребятами, но не получилось. Он сам виноват. Зачем лезет с вопросами про мою

личную жизнь? Какое его дело, где я живу, почему переехала, есть ли у меня кто-нибудь и так далее?

На часах 22:15. Я хотела уйти в 22:30. Торчать тут ещё пятнадцать минут тяжело. Особенно сейчас, когда все заметили, что мы с Никитой отсутствовали, и теперь поглядывают на нас с любопытством. Вызываю такси.

— Ладно, девочки, я поехала, — говорю Соне и Ульяне.

— Давай я тебя отвезу? — тут же предлагает Софья.

— Не надо.

— Нет, Лиль, давай отвезу.

— Мне надо побыть одной, — отрезаю.

Подруга осекается. Да, я такой человек, которому иногда хочется побыть в одиночестве. Прошу уважать это.

Попрощавшись с другими ребятами, ухожу из ресторана. Никита, конечно, видел. Выглядело так, будто я трусливо от него сбегая. Да ну и по фиг, что он подумает. Вряд ли мы с ним ещё когда-нибудь увидимся. Больше ноги моей не будет на встречах выпускников.

Мне приходится ждать такси больше пяти минут. Дверь ресторана за спиной постоянно хлопает, я специально не оборачиваюсь. Вдруг там Никита. Ему, кстати, не пора ехать в аэропорт? Желтые машины с шашечками то и дело останавливаются рядом, но все они по другим заказам. Наконец-то приезжает мой! Запрыгиваю на заднее сиденье салона и только сейчас облегченно выдыхаю.

Я вытерпела это испытание. Психотерапевт гордился бы

мною. Держалась с Никитой ровно, пока он сам не полез на запрещённую территорию. Запястье до сих пор горит от его прикосновения. Тру руку — не проходит. Сегодня всего было слишком много. Сначала Никита обнимал меня и дышал мне в шею, потом в душу лез вопросами, а напоследок поджег кожу своим прикосновением.

Но я справилась! Я смогла это пережить!

Ужасно гордая собой, снимаю шапку, расстёгиваю пуховик и стягиваю шарф. Ехать мне долго, без пробок полчаса. Недавно я переехала из съёмной однушки в съёмную двушку. Когда ты все время находишься только в одной комнате, начинает медленно ехать крыша. Как только мне повысили зарплату до уровня хорошего корреспондента с опытом, я сразу расширилась. Правда, живу в том же районе на самом отшибе Москвы возле МКАДа в вонючей пятиэтажке без лифта. Но это мелочи. Зато в квартире приятный косметический ремонт и больше места.

Таксист тормозит у шлагбаума во двор. Я благодарю его и выхожу из машины. Не спеша направляюсь к своему третьему подъезду. За спиной слышится хруст снега, как будто кто-то быстро идёт. Этот звук провоцирует неприятные воспоминания, но я силой их прогоняю. У фанаток Никиты больше нет мотива организовывать на меня нападение. Мы расстались кучу лет назад.

— Лиля, подожди! — звучит громко за спиной, и от испуга я с криком подпрыгиваю на месте.

Мое сердце останавливается, потом делает сальто и пускается вскачь галопом. Схватившись за него, резко оборачиваюсь. Господи, это Никита! Мамочки, я сейчас поседею от страха.

— Какого хрена!? — набрасываюсь на него. — Знаешь, как ты меня напугал!?

— Извини, пожалуйста, — останавливается возле меня.

Мне все ещё плохо с сердцем. Держусь за него, жадно вдыхая морозный воздух.

— Что ты тут делаешь!? Как ты узнал, где я живу!?

— Я поймал такси и сказал водителю ехать за твоей машиной. Не пригласишь меня на чай?

Сегодня не вечер, а один сплошной шок-контент.

Глава 5. Уходи

Лиля

— Ты это серьезно?

Меня не покидает ощущение, что Никита прикалывается. Сначала устроил допрос про мою личную жизнь, потом преследовал меня до дома, а сейчас напрашивается в гости. И делает это, как ни в чем не бывало. Будто мы просто бывшие одноклассники, которые давно не виделись.

— Да, серьезно. Пожалуйста, Лиль, давай поговорим?

— О чем?

— О нас.

— А разве есть «мы»?

Никита шумно сглатывает и медленно выдыхает.

— Сейчас «нас» нет. Но ведь все в наших руках, верно?

Нет, он не прикалывается. Он издевается.

— Никит, ты зря за мной ехал. Я не приглашу тебя на чай и ни о чем не буду с тобой говорить. Отправляйся, пожалуйста, в аэропорт, а то самолёт улетит без тебя, и ты опоздаешь на тренировку.

— Самолёт без меня не улетит. Я его арендовал, чтобы прилететь к тебе. Лиль, я прошу, давай поговорим?

Арендовал самолёт в свое личное пользование, чтобы прилететь ко мне!? Ах да, Никита же долларовый миллионер из списка Форбс. Как я забыла. Тем нелепее он выглядит

тут, во дворе серой грязной пятиэтажки, в которой я живу. Почему-то это меня смешит, и я начинаю громко хохотать.

— Чему ты смеёшься? — не понимает моей реакции.

— В этом вонючем дворе ещё не ступала нога долларового миллионера. Ты первый.

Никита не разделяет моего смеха. Терпеливо ждёт, когда я отсмеюсь. А у меня это, кажется, нервное.

— Лиля...

Никита делает ко мне шаг, оказываясь вплотную, и берет мою руку. От его прикосновения меня словно током прошибает. Резко вырываю ладонь и чуть отхожу назад. Больше не смеюсь, а со злостью смотрю на Никиту. Рука огнём полыхает. Боль до сердца доходит.

Это ощущение пугает меня. Сколько мое сердце ничего не чувствовало? Больше года точно. А сейчас тупое ноющее ощущение нарастает.

— Никита, уходи, — строго говорю. — Оставь меня в покое. Я не хочу ни о чем с тобой говорить.

Чтобы больше не слушать его мольбы, разворачиваюсь и стремительно направляюсь к подъезду, почти бегу. Но Свиридов, конечно, не послушал моего приказа, поспекает за мной.

— Не смей заходить! — выкрикиваю, когда набираю код на двери подъезда. Стараюсь побыстрее ее закрыть, но не успеваю: Никита подставляет ногу.

Он дёргает ручку на себя, а я на себя. У нас завязывается

борьба за дверь. Я пытаюсь закрыть, а Никита открыть.

— Да что тебе надо от меня!? — выкрикиваю. — Оставь меня! Уходи!

— Я не уйду, пока ты меня не выслушаешь.

Господи, да что он может мне сказать? Что хочет меня? Я не собираюсь это слушать.

— Девушка, дайте пройти, — раздается за спиной недовольный голос соседа.

Мне приходится бросить входную дверь и помчаться вверх по лестнице. Я не бегу, а лечу. Ещё никогда я не поднималась на свой третий этаж так быстро. Никита у меня за спиной. Я понимаю, что мне от него не скрыться, футболист бегают намного лучше меня, но я отчаянно пытаюсь. Я не успеваю расстегнуть сумку, чтобы достать ключи, как Никита уже у меня за спиной. И у него даже одышки нет.

— Пожалуйста, уйди, — прошу.

— Пожалуйста, выслушай меня.

Опускаю веки, чтобы успокоиться и погасить начавшуюся внутри бурю. Я понимаю: Никита не отступит. И если я не пущу его в квартиру добровольно, он войдёт сам без приглашения.

Ничего не отвечая, засовываю ключ и поворачиваю замок. Вхожу в квартиру и включаю свет, Никита переступает порог следом за мной. Я игнорирую его присутствие, молча раздеваюсь, снимаю верхнюю одежду и убираю ее в шкаф. Иду в ванную мыть руки. Никита проделывает все то же самое,

не забывая при этом с любопытством оглядывать мою простенькую съемную квартиру. Долларовый миллионер, наверное, привык жить в золотых колоннах, поэтому его удивляют просто белые стены и обычный желтый ламинат.

— У тебя очень симпатично, — хвалит, проходя следом за мной на кухню.

— Чая для тебя нет. Говори, что хотел, и уходи.

Никита, видимо, рассчитывал на тёплую доверительную беседу. А я не то что чай, даже присесть на стул не предлагаю. Я хочу, чтобы он побыстрее ушел. Потому что каждая секунда рядом с ним подобна муке. Прямо на моих глазах пять лет упорной психотерапии летят в пропасть, потому что ноющее чувство в сердце усиливается.

Да, я могу выдержать просто случайную встречу с Никитой и обычный короткий разговор ни о чем. Но я не могу выдержать, когда он вот так на меня смотрит. Не то с трепетом, не то с обожанием. Жадно впился в меня взглядом, не может насмотреться. Трогает меня глазами. Гладит мои волосы, лицо, тело. Без похоти, что удивительно для Никиты, а как будто бы с нежностью.

Боже мой, что происходит? Там во дворе он сказал, что прилетел ко мне? То есть, не на встречу выпускников?

Но зачем...?

— Я так скучал по тебе, Лиля, — произносит чуть севшим голосом.

А я от такого признания дергаюсь, словно ошпарилась.

Скрещиваю руки на груди, закрываюсь.

— Это все, что ты хотел сказать?

Не могу больше смотреть на Никиту, опускаю лицо в пол. Рассматриваю свои пушистые домашние тапочки розового цвета. А от пронзительного взгляда Никиты кожу электрические разряды покалывают.

— Не все.

— Что ещё?

— Я тебя люблю.

Глава 6. Вскрытая рана

Лиля

Признание Никиты повисает в воздухе. Я не дышу, не шевелюсь. Не верю своим ушам. Мне совершенно точно послышалось. Не мог же он в самом деле признаться мне в любви. Конечно, нет. Он же никогда меня не любил.

— Я, наверное, пугаю тебя своим напором, — продолжает, пока я оторопело на него таращусь. — Извини, я не хотел так сходу на тебя это обрушивать. Просто ты не настроена на диалог, поэтому я начал с главного.

Я все ещё молчу. Онемела от шока.

— Лиль, я понимаю: что бы я ни сказал, все будет глупо и нелепо, потому что столько лет прошло, у тебя давно своя налаженная жизнь, где наверняка нет места для меня. Но лучше я скажу это сейчас, чем пройдёт ещё шесть лет. Тогда, уезжая, я совершил две чудовищные ошибки. Первая — я расстался с тобой. Вторая — я любовь принял за желание. В тот момент я не видел другого выхода, кроме расставания. Я не мог не уехать и в то же время я не был готов к чему-то большему с тобой. Расставание казалось мне единственным выходом. Но выход оказался тупиковым. Мне потребовалось очень много лет, чтобы понять, где желание, а где настоящая любовь. Я пытался забыть тебя, я запрещал себе думать о тебе, я доводил себя до истощения тренировками. Я что толь-

ко ни делал, чтобы забыть тебя. Но от себя не убежишь. И от своих чувств не убежишь. Всегда была только ты.

Какой-то театр абсурда. Чем больше Никита говорит, тем сильнее поднимается протест внутри меня. Злость медленно нарастает и превращается в ярость. Я чувствую, как на моей пульсирует сонная артерия — вот в таком я сейчас гневе.

— Я выжигал тебя из памяти другими девушками. Но все без толку. С тобой, как ни с кем.

Последняя фраза выдернула чеку из моей внутренней гнаты.

— Ты думаешь, что можешь вот так заявиться ко мне через шесть лет, признаться в любви и все будет по-старому!?

— шиплю, как кошка, вставшая на дыбы.

— Нет, я так не думаю. Я прекрасно понимаю, что у тебя своя жизнь. Я вообще был уверен, что ты вышла замуж. Ну или как минимум с кем-нибудь живешь. И я понимаю, что шесть лет — это огромный срок. Но лучше поздно, чем никогда. Лиль, прости меня, если сможешь.

— Простить тебя? — нервно смеюсь. — А за что именно ты предлагаешь мне тебя простить?

— За все.

— Ах за все... — каждая клетка моего тела клоочет от гнева. — За все — это и за то, что твои фанатки организовали нападение на меня? И за последствия того нападения? За это я тебя тоже простить должна?

Глаза Никиты расширяются от изумления.

— Ты о чем?

— Ой, а твоя мамочка так и не рассказала тебе?

— Лиль, ты сейчас о чем?

— О том, — выдыхаю сквозь плотно сжатые зубы, — что твоя больная фанатка наняла трёх отморозков, чтобы они меня избили. На меня напали ночью и били ногами, а потом бросили умирать. Если бы не случайный мужик, который вышел гулять с собакой, я бы умерла. Просто замёрзла бы до смерти. За это ты тоже извиняешься?

Никита потрясён моим рассказом. Побледнело и лицо, и губы.

— А за то что я из-за того избиения потеряла нашего ребёнка ты тоже извиняешься? — делаю шаг, наступая на него. — Или нет? Наверное, все-таки нет, ты же не хотел детей. Не видел себя отцом в двадцать лет.

Он не может вымолвить ни слова. В ещё большем шоке, чем я несколько минут назад, когда он признавался мне в любви.

— А за то, что я теперь бесплодна, ты извиняешься? Меня били ногами в живот. Я не только ребенка потеряла. У меня произошёл разрыв обоих яичников. Правый спасти не удалось, его удалили. Левый спасли, но его репродуктивная функция близка к нулю. За это ты тоже извиняешься или нет?

Воцаряется гробовая тишина. Слышно, как за окном

громко смеются. В нашей ситуации смахивает на смех во время похорон.

— Лиля, я ничего этого не знал. Что... как... — замолкает в изумлении и растерянности.

— Конечно, не знал. Ведь твоя мамочка подкупила следователя, чтобы тебя не допрашивали.

У Никиты дергается правое веко. Губы не просто бледные, а синие. У меня же начинается жечь глаза. Я не хочу при нем плакать, но я не могу вспоминать о случившемся без слез. Даже спустя шесть лет. Даже спустя годы упорной психотерапии.

— Твоя больная чокнутая фанатка заказала избить меня, — голос ломается и дрожит. — Я была беременна и не знала об этом. Я понимаю, что мы оба не планировали ребенка. А ты так вообще не хотел и не видел себя в роли отца. Но, черт возьми, Ник, это был наш ребёнок! — из груди вырывается плач. — Это был наш ребёнок! Ему бы уже могло быть пять лет! А теперь у меня не просто нет его! Я вообще не могу иметь детей! Я бесплодна по вине твоей больной фанатки! И после всего этого... после всего, что со мной случилось по ее вине, ты был с ней! — бросаю обвинительно. — Вас сняли папарацци. Я видела фотографии. Ты был с ней! Из всех девушек — именно с ней!

Хватаюсь рукой за кухонную столешницу, потому что иначе упаду без сил. Я будто вернулась на шесть лет назад и прожила все это заново. Вся та боль — и моральная, и фи-

зическая — снова пронизывает мое тело, сотрясает душу. Слезы струятся по лицу, я пытаюсь смахнуть их с щёк, но тщетно.

— Лиля, у меня не было с ней ничего! — восклицает. — Я понимаю, о чем ты. Она действительно приперлась за мной в Мюнхен, как-то выследила меня там, приклеилась ко мне в баре. Но у меня не было с ней ничего!

— Да неужели? Ты целовался с ней на фотографиях.

— Этим все и закончилось. И она сама полезла ко мне целоваться.

Я начинаю истерично хохотать сквозь слёзы.

— Лиля, я тебе клянусь, у меня никогда ничего не было с ней. Никогда! Я не спал с ней!

— Даже если и так, это не имеет значения. Уже не имеет.

Никита приваливается спиной к стене, как будто его покинули все силы. Лицо искажено гримасой боли, глаза красные и тоже налиты слезами.

— Почему ты мне ничего не сказала?

— Зачем? Чтобы ты приехал из жалости, посидел пару дней возле меня в больнице и снова уехал?

Молчит, понимая, что именно так бы все и было.

— Моя мама знала обо всем?

— Конечно. Тебя должны были допрашивать, но она заплатила следователю, чтобы этого не сделали.

Никита плотно ссепляет челюсть и сводит губы в нитку. Пытается подавить в себе приступ гнева, догадываюсь.

— Их всех посадили?

— Нет. Фанатка уехала к тебе в Германию, объявлять ее в розыск отказались. Для этого было недостаточно оснований. А исполнителей просто не нашли. Дело закрыли.

— А как ты поняла, что это дело рук фанатки?

— Мне поступали угрозы. Это дело рук только твоего фан-клуба.

Никита опускается лицом в ладонь, трёт глаза. Всегда с ровной сильной спиной, сейчас он ссутулился. Похож, скорее, не на успешного футболиста-миллионера, а на побитую камнями собаку.

— Лиля, я клянусь тебе, — сипит, — у меня ничего не было с той больной. Нас засняли в баре, когда она ко мне полезла, но ничего не было.

Почему-то эта информация не вызывает во мне никаких эмоций. Ни радости, ни облегчения. Одно сплошное безразличие.

— Мне уже все равно. Убирайся вон, Никита. Убирайся вон из моей квартиры и из моей жизни. Забудь меня, забудь мой адрес. Забудь, как меня зовут.

Несколько секунд Никита ещё стоит у стены, обессиленный моим рассказом. Из него как будто всю жизнь выкачали. А потом наконец-то уходит, оставляя меня наедине с моей вскрытой до крови раной.

Глава 7. Разочарование

Никита

Я выхожу из подъезда Лили и останавливаюсь как вкопанный. Смотрю перед собой и ничего не вижу. Но не из-за темной ночи, а из-за того, что глаза застилает пелена. От всего, что я узнал и услышал, хочется быть раненым зверем. В груди такая адская боль, словно осиновый кол вонзили. Но, конечно, боль, что я испытываю, и близко не сравнится с тем, что чувствовала Лилия, с чем ей пришлось жить шесть лет.

Это я виноват. Я во всем виноват. Уехал, бросил, не взял с собой. Не защитил. Не уберёг. Вместо того, чтобы примчаться, когда понял, что люблю, пытался забыть, вырвать из сердца, выжечь из памяти. Шёл к успеху, пока не понял, что он ничего не значит, если я не могу разделить его с Лилей.

Все, что я имею, все, чего я добился, — пустое место, ноль. Потому что рядом нет Лили.

Жарко. Снимаю куртку, беру горсть снега из сугроба и умываюсь. По башке будто кувалдой долбят. Ни одной связной мысли нет. В ушах звучит голос Лили:

«Это был наш ребёнок! Ему бы уже могло быть пять лет!».

Закусываю губу до крови, чтобы подавить рвущийся из груди крик боли, отчаяния и безысходности. Падаю на колени. Сил нет стоять. Все-таки кричу, выплескивая наружу все, что чувствую. Перед глазами Лилия в слезах и с дрожащими

руками.

Это я виноват. Я, я, я. Во всем я виноват. Все по моей вине произошло.

Горло колючей проволокой стягивает, дышать не дает. По венам вместо крови боль растекается. Адская, невыносимая. Скулю от неё себе в кулак. Но что моя боль по сравнению с той, что пережила Лиля? Ничто. Капля в море.

— Пьяный, что ли? — раздается чуть поодаль возмущённый женский голос, обращённый ко мне. — А ну пшел отсюда, пьянь! Сейчас полицию вызову. Ещё чего удумал, валяться у подъезда.

На меня надвигается мужикоподобная женщина.

— А ну вставай давай, — бьет меня по спине большой сумкой.

Как ни странно, а это отрезвляет и приводит в чувство.

— Извините, — сиплю и поднимаюсь на ноги.

— Иди дома пьяный валяйся, а в моем дворе не надо, — и снова замахивается на меня сумкой, но я успеваю отойти на шаг.

«Дом», звенит в голове.

Дом!

Дом!!!!

— *Моя мама знала обо всем?*

— *Конечно. Тебя должны были допрашивать, но она заплатила следователю, чтобы этого не сделали.*

В груди вспыхивает ярость. Мама знала. Все знала и молчала. Нет, не просто молчала. Лгала. На все мои вопросы про Лилию отмахивалась: «Ой, да она к какому-то парню переехала. Не лезь к ней». У меня не было повода не верить словам матери. Да и если логически подумать: действительно, а куда и зачем Лилия могла переехать? Ей нравилось жить с родителями, она прекрасно с ними ладила. Второй квартиры у них нет, а арендовать бессмысленно. Наверное, и правда к парню, думал я и сходил с ума от ревности.

Сотню раз смотрел ее страницы в соцсетях. Фотографий с мужчинами не было, но это же не значит, что Лилия одна. Может, она не выкладывает. Поэтому не писал ей и не звонил. Считал неправильным вмешиваться в чужие отношения и уважал Лилин выбор. Думал, ну раз она полюбила другого, решила создать с ним семью, значит, я должен остаться в стороне. Потому что мне самому бы не понравилось, если бы к моей жене вдруг начал лезть ее бывший. Тем более я сам отпустил Лилию, сам бросил ее.

Блядь.... Мама врала мне. Нагло и гнусно, глядя прямо в глаза. Возмущение, обида и чувство предательства обжигают огнём. Достāju из кармана телефон и вызываю такси. Эмоции разрывают меня на части. Хочется кричать, бить и крушить. Руки сами в кулаки сжимаются, воздух со свистом вылетает из ноздрей. Меня распирает от гнева.

Всю дорогу до родительского дома подгоняю таксиста. Ко-

гда наконец-то захожу в подъезд, устремляюсь на седьмой этаж бегом. Нет терпения ждать, когда доковыляет лифт. Остановившись напротив двери, хочу со всей силы зарядить по ней кулаком, но торможу буквально за пару сантиметров. Ярость стучит в ушах и не дает здраво мыслить. А надо.

Приваливаюсь к стене и перевожу дыхание. Отвращение к собственной матери зашкаливает, но мне же будет лучше, если я поговорю с ней спокойно и узнаю то, что мне нужно, а не наору, хлопну дверью и уеду. Поэтому простояв в подъезде несколько минут и немного успокоившись, цивилизованно нажимаю звонок. Часы показывают половину первого ночи, наверное, уже спать легли.

— Кто там? — раздается мамин сонный голос за дверью.

— Это я, мам.

Замки щёлкают, дверь открывается и передо мной предстает изумленная мать в халате.

— Никита!? Господи! Как... Что... Почему ты не сказал, что приедешь!?

Родительница бросается меня обнимать, буквально виснет на моей шее. Из глубины квартиры выходит сонный отец в одних спортивных штанах.

— Никита! Почему не сказал, что приедешь?

Отца я обнимаю без особого желания. Он же тоже наверняка все знал, а не рассказал мне.

— Почему ты не сказал, что приедешь? Ты надолго? Разве у тебя отпуск? — мама заряжает в меня вопросами.

— Я приехал спонтанно и через пару часов мне надо лететь обратно.

— Ты по делам сборной прилетал?

— Нет. Мы можем поговорить?

— Да, конечно, пойдем на кухню. Что-то случилось?

Я разубаюсь, но куртку не снимаю. Вряд ли задержусь тут надолго. На кухне мама суетится, ставит чайник, достаёт что-то из холодильника. Это мельтешение ещё больше распаляет меня.

— Я ничего не буду ни есть, ни пить. Можешь сесть? — произношу с раздражением.

Мама замирает с кастрюлей в руках. Потом, видимо, понимает, что дело серьёзное, убирает ее обратно в холодильник и садится рядом с отцом.

— Никита, что случилось? — испуганно спрашивает.

— Я виделся с Лилей. Она рассказала мне обо всем, что с ней произошло.

И мать, и отец застывают с вытаращенными глазами. Вид у обоих такой, будто я поймал их с поличным на месте преступления.

— Кхм, ну я пойду спать, мне завтра на работу, — отец первым приходит в себя. — Никит, ну ты почаще приезжай, — говорит, вставая со стула. Хлопает меня пару раз по плечу и выходит из кухни.

Ну да, а как еще может отреагировать отец, если все, что касалось ситуации с Лилей, исходило от матери.

— Никита, я тебя не очень поняла... — нервно начинает.

— Я видел Лилю. Я разговаривал с ней.

— О чем именно разговаривал?

Гнев вспыхивает с новой силой. Меня бесит, что мама решила прикинуться дурочкой.

— Почему ты скрыла от меня все?

Как ни стараюсь держать себя в руках, а, судя по изменившейся в лице маме, я ее пугаю. Порывается что-то сказать, но замирает с открытым ртом. Захлопывает его и молчит.

— Ты скрыла от меня, что на Лилю напали, — цежу со злостью. — Ты скрыла от меня, что она была беременна и потеряла ребёнка. Ты заплатила следователю, чтобы меня не допрашивали. Ты лгала мне в глаза, что Лиля больше тут не живет, потому что переехала к парню и выходит замуж, — делаю глубокий вдох, чтобы не разнести нахрен всю кухню. — Зачем ты это делала, мама?

Она растерянно молчит. Глаза наливаются слезами, но этим трюком меня не проймёшь.

— Я боялась, что ты бросишь футбол! — наконец, выпаливает и шмыгает носом. — Ты так долго шёл к этому, столько лет. У тебя не было нормального детства! Ты терпел изнурительные тренировки, травмы. У тебя столько переломов было, сотрясений. А колено? Да ты чуть ноги не лишился! Ты столько работал, ты всего себя посвятил футболу. Я боялась, что все твои труды окажутся напрасны!

По ее лицу бегут слезы. Они меня вообще не трогают.

Вспоминаю плачущую Лилию — и ярость новой вспышкой ослепляет.

— Ты не имела никакого права скрывать от меня такое. Ты хоть понимаешь, что ты наделала?

— Я спасла твою карьеру!

— Да мне нахрен не нужна эта карьера! — рявкаю и, не выдержав, со всей силы бью по столу. Мама вздрагивает и натягивается как струна. — Ты не имела права утаивать от меня! Ты не имела права подкупать следователя! Ты не имела права лгать мне про Лилию! Что она тебе сделала, что ты так поступила?

Ооо, наконец-то мама решила сбросить маску. Слезы как рукой сняло. Сейчас ее лицо приобрело такую знакомую мне строгость и бескомпромиссность.

— Дело не в Лиле конкретно, а в том, что появилась девушка, из-за которой ты стал пренебрегать футболом. Лилия, Валя, Маша, Катя — не важно. Я же видела, каким ты стал.

— Каким?

— Влюблённым дураком! Тебе надо было о карьере думать, а ты со своей ненаглядной Лилей разлучиться не мог. Как ещё хватило мозгов от Германии не отказаться. Да я в церковь ходила помолилась, когда ты уехал. Думала, откажешься из-за Лили. Ну а потом с ней вот эта неприятная история случилась. Узнай ты об этом — примчался бы тут же. Мне очень жаль, что с ней такое произошло, но я боялась, что ты бросишь Германию. Поэтому да, я договорилась

со следователем, чтобы тебя не допрашивали. Конечно, был риск, что ты все равно узнаешь: Лиля позвонит или кто-то из ваших друзей расскажет. Но, к счастью, этого не произошло.

У меня нет слов. Просто нет слов. Сжимаю руки в кулаки под столом, пытаюсь обуздать гнев. Ненависть к родной матери затапливает с головой.

— Почему ты лгала мне потом? — зловеще выдыхаю. — Когда я про неё спрашивал.

— А потом я уже боялась, что ты узнаешь, что я скрывала от тебя нападение на Лилю.

Зашибись. Она боялась, что я узнаю, что она скрывала.

— Поэтому лгала, что Лиля вышла замуж!?

— Я не говорила, что Лиля вышла замуж, — выкручивается. — Ты спросил, почему она переехала. Я предположила, что, наверное, она переехала к парню.

— Ты не предполагала, а утверждала это! И ещё сказала, что Лиля собирается замуж.

— Нет, я предполагала, — настаивает. — Ну а куда ещё она могла переехать? Вряд ли же она переехала просто так.

Прищуриваюсь.

— Подожди. А ты не общаешься больше с ее матерью?

— С Верой? Да давно не общаемся. Ну, с тех пор, как все это произошло.

Просто пиздец. Я и этого не знал. Я был в полной уверенности, что моя мать и мама Лили по-прежнему лучшие подруги, а значит, моя родительница все про Лилю знает. И

если мать говорит, что Лиля переехала к парню и выходит замуж, значит, так оно и есть.

Гнев и ярость уходят на второй план. Ненависть тоже. Остается разочарование. Полное и абсолютное разочарование в родной матери, казалось бы, самом близком человеке. Я не хочу ее видеть, я не хочу с ней разговаривать. Мне противно находиться рядом с ней. Поднимаюсь со стула. Она встает следом.

— Сынок... — заискивающе начинает.

— И последнее. Дай телефон следователя, который вёл дело Лили.

— Следователя? — удивляется просьбе. — Зачем?

— Дай телефон, я сказал.

— У меня, наверное, уже нет его. Столько лет прошло.

— Значит, найди.

— Да где я найду.

— Дай номер, я сказал! — ору на всю кухню.

Пугается.

— Я посмотрю в телефоне в контактах, но я с тех пор два или три телефона сменила, не знаю, сохранился ли...

Быстро семенит в их с отцом комнату. Через минуту возвращается.

— Вот. Семён Аркадьевич, но я не знаю, работает ли он ещё...

Выватываю у нее из рук мобильный, достаю свой из кармана и переписываю номер.

— Сынок... — переминается с ноги на ногу.

— Видеть тебя больше никогда не хочу. Даже не смей мне звонить.

Сую ей обратно в руки телефон и ухожу прочь из родительской квартиры. Ноги моей больше здесь не будет.

Глава 8. Фанатка

Никита

В самолёт я сажусь абсолютно разбитым. Ощущение — что на меня легла бетонная плита и раздавила в лепешку. Перед глазами Лиля. Злая на меня, заплаканная и в то же время такая беззащитная.

Никто не наказан. Ни одна тварь. Все разгуливают на свободе, живут в свое удовольствие, кайфуют. Отморозки, может, ещё кого-то избивают, калечат, ломают. Ну а почему нет? Один раз же сошло с рук и дальше сойдёт. И чокнутая Юля, не сомневаюсь, тоже припеваюче живет.

Ее давно нет. Не знаю, куда делась. После того случая, когда я жестко отбрил ее в баре, она сходила на несколько моих матчей в Германии и исчезла. То ли резко перестала фанатеть от меня, то ли не хватило денег на жизнь в Мюнхене, не знаю. Сейчас у меня фан-клуб ещё больше, в основном в нем немки. Они, кстати, адекватнее русских. В Германии очень строго с неприкосновенностью частной жизни и подобными вещами.

А Юля тогда шесть лет назад притащилась за мной в Мюнхен, каким-то образом смогла меня выследить и подкатила ко мне в баре. Я так удивился, увидев ее, что не возразил, когда она без разрешения уселась за мой столик.

— Привет! — плюхнулась на диван рядом со мной. —

Сюрприиз!

Она улыбалась во весь свой искусственно отбеленный белоснежный рот. Расстегнула куртку, бросила рядом на диван, оставшись в одной обтягивающей сиськи кофте. Я заглянул под стол. Там была мини-юбка.

— Мы так и не познакомились лично, — начала, пока я шокировано ее разглядывал. — Меня зовут Юля.

— Привет, Юля. Какими судьбами?

У меня все ещё было ощущение, что передо мной сидит призрак из прошлой жизни. Откуда она вообще взялась? Каким образом нашла меня?

— Я твоя самая верная поклонница, поэтому всегда с тобой, — игриво подмигнула одним глазом.

Что за...? Я, кажется, мигом протрезвел, хотя опрокинул в себя пару стаканов виски. Да она уже не поклонница. И даже не фанатка. Она сталкерша. Тут точно какое-то шизо, нормальный человек не будет никого преследовать.

— Сколько тебе лет? — задал давно интересующий вопрос.

— Я на год старше тебя. Мне двадцать один. Но это же не проблема? Год — это не большая разница.

— А чем ты в свои двадцать один занимаешься? Работаете? Учишься?

— Учусь.

— И тебе не надо завтра в институт?

— Надо, но я приехала к тебе.

— Зачем?

— Чтобы быть рядом с тобой, — и глазками блым-блым.

Мой следующий вопрос, откуда у нее, студентки, деньги всюду за мной таскаться. Но решил не спрашивать. Про деньги вроде как не очень тактичный вопрос. Может, у нее родители богатые. Ну да, наверное. Иначе откуда у студентки средства ездить за мной по всем городам и странам.

— Ну как тебе тут? Нравится? — спросила.

— Пойдёт.

Юля придвинулась ко мне ещё ближе.

— Я так рада, что мы наконец-то вдвоём, — ее наманикюренная рука легла на мое плечо. Параллельно Юля оттянула вниз кофту, чтобы мне было лучше видно ее пышную грудь.

Я смотрел прямо в ее декольте с сиськами и вообще ничего не чувствовал. Полный ноль. Даже проскользнула мысль, что стал импотентом. Объективно: Юля красивая девушка. Правильные черты лица, аппетитная задница и большие сиськи. Что ещё надо? Но меня не торкало. Я ее не хотел. То ли пугал ее фанатизм, то ли мало времени прошло после расставания с Лилей.

Лилия... Вспомнил — и сразу в сердце защемило. Это пройдет, тут же успокоил сам себя. Это однажды пройдет.

— Ты бы хотел стать у меня первым? — Юля соблазнительно накрутила локон на палец.

— Что? — не сразу понял.

— Ты бы хотел стать моим первым мужчиной?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы переварить услышанное.

— Ты девственница?

— Да.

Бляяя. Она мало того, что больная на голову, так ещё вдобавок девственница. Да это просто антисекс.

— Девственницы не в моем вкусе, — отрезал. — Найди себе другого героя на роль первого.

Юля опешила.

— Каждый парень мечтает стать у девушки первым!

— Чего???? Где вы эту дурь берёте вообще? В любовных романах, что ли?

— А разве нет!?

— Конечно, нет! Секс должен приносить удовольствие, а с девственницей оно невозможно.

Юля смотрела на меня так, как будто я ей Америку открыл. А я снова вспомнил Лилю и снова защемило в груди. Стать первым у Лили — это самая большая удача для меня. В случае с Лилей я не просто рад, я безмерно счастлив, что она была девственницей. Часто вспоминаю наш первый раз. Меня не раздражали ни ее скованность, ни страх в глазах, ни слезинки на щеках.

Лучший секс в моей жизни у меня был только с Лилей, и наш самый первый раз на вершине этого списка. Но это касается исключительно Лили. Что до других девушек, то девственницы по-прежнему не в моем вкусе.

Пока я задумался о Лиле, чокнутая Юля преодолела оставшееся расстояние между нами и буквально вцепилась мне в губы своими. Я аж растерялся от неожиданности. Первые несколько секунд сидел истуканом, и только потом до меня дошло, что фанатка полезла целоваться. Резко отстранился от неё.

— Я же сказал, что девственницы меня не привлекают, — ответил довольно грубо.

На губах было противное ощущение чужих слюней и, не боясь обидеть Юлю, я вытер их рукавом джемпера.

— Но зато я умею хорошо целоваться!

Бляяая.

— Я не в детском лагере, чтобы целоваться, — достал из кармана кошелёк, бросил на стол тридцать евро и поднялся с дивана. — Хорошего тебе вечера, Юля.

Чувствуя спиной ее взгляд, я вышел из бара.

Ну а потом Юля сходила на несколько моих матчей, ещё пару раз прислала мне свои сиськи в соцсетях и исчезла. Больше я ее не видел. И если бы кто-то сказал мне, что однажды я сам начну искать Юлю, не поверил бы. Но эта чокнутая на голову ответит мне за все, что произошло с Лилей. И не только она. Я каждого лично найду и раздавлю.

Глава 9. Клип

Никита

Следователю я решаю пока не звонить. Вряд ли он скажет мне что-то полезное, раз дело закрыли и никого не нашли. Но даже если дело возобновят, кого-то сейчас поймать будет намного сложнее. Той же Юле теперь ещё проще отмазаться. Наймёт адвоката, скажет, что ничего не знает и вообще не помнит, что было шесть лет назад. Так что сам выбью из неё признание. И контакты исполнителей. Запишу все на диктофон, а потом возьму ее за шкирку и повезу в участок.

Да и если честно, прежде, чем усадить всех за решетку, очень хочется пообщаться с ними лично и заставить прочувствовать то, что чувствовала Лиля.

Найти Юлю оказывается не так уж и просто. Сначала я очень долго листаю ленту входящих сообщений в соцсети на шесть лет назад. Я никогда не закрывал личку, поэтому у меня там в прямом смысле миллион непрочитанных от незнакомых людей. Почему-то по имени Юлия поиск в сообщениях не выдаёт мне нужную Юлю.

У меня неделя уходит на то, чтобы найти диалог с чокнутой. Ее страница удалена. Просматриваю все, что она мне писала. Помимо обнаженных фото там были и текстовые сообщения.

«Никита, ты лучший»

«Никита, я мечтаю с тобой познакомиться»

«Все мои эротические фантазии только с тобой»

«Никита, я тебя люблю»

«Ты мне снишься каждую ночь»

«Я берегу свою девственность для тебя»

«Давай сходим на свидание?»

«Твоя девушка тебе не подходит»

А вот на этом сообщении я задерживаюсь на несколько секунд. Злость охватывает такая, что руки в кулаки сжимаются. Господи, дай мне сил не убить Юлю, когда я ее найду. Мне ведь ещё исполнителей отыскать надо. Но для Юли я придумал отдельный котёл ада. Она будет рыдать, умолять и дрожать от страха.

Мне приходится пролистать сотни сообщений от Юли в самое начало, чтобы получить зацепку.

«Привет! Меня зовут Юля Тишина. Я организатор твоего фан-клуба».

Отлично, у меня есть фамилия. А то ее удаленная страница называется «Deleted Deleted», а была ли фамилия шесть лет назад, я не помню. Ещё три дня приходится потратить на поиск ее новой страницы. Это попытки тыкнуть пальцем в небо, потому что я не знаю, есть ли у нее новый аккаунт, под ее ли он именем, а может, она вышла замуж и поменяла фамилию. Но мне снова везёт. Я нахожу страницу чокнутой. У нее закрыты профиль и личка, поэтому, недолго думая, я отправляю Юле запрос на добавление в друзья.

И тридцати минут не проходит, как Юля принимает мой запрос и пишет первой:

«Ну вы только посмотрите, кто про меня вспомнил. Ахах»

Мне нужно заинтересовать ее по переписке и назначить встречу. Так что приходится подыгрывать.

«Я тебя и не забывал»

«Что, немецкие поклонницы не вставляют?»

«Немки некрасивые»

«А у тебя итальянская модель есть. Я читала»

Закатываю глаза. Итальянская модель, роман с которой мне приписывают, — двоюродная сестра моего товарища по клубу. Несколько месяцев назад мы отмечали его день рождения в ресторане, я разговорился с Алессией, а на следующий день все желтые журналы написали о том, что мы встречаемся. Мне-то по фиг, а вот у Алессии есть парень, и ей пришлось перед ним объясняться.

«Итальянки тоже не очень»

«Что ты хочешь?»

Сразу к делу. Ну так даже лучше.

«Я тебе ещё интересен?»

«Смотря в каком смысле. Фан-клубом мне некогда заниматься»

Да неужели у нее появились дела.

«Я бы хотел с тобой встретиться»

Читает мое сообщение сразу, но долго не отвечает. Со-

мневается?

«Что тебе нужно? Спустя кучу лет просто про меня вспомнил? Я не верю»

Блядь. Неужели что-то подозревает и боится? Ну если она сотворила такое с Лилей, то логично, что стала подозрительной и ждет с моей стороны подвоха.

«У меня к тебе дело. Один известный рэпер предложил мне сняться в его клипе. Я там буду играть самого себя. По замыслу, я должен быть в окружении поклонниц. Сейчас у меня фан-клуб преимущественно в Германии, но я там никого лично не знаю, да и в Россию не повезу. Я хотел спросить, интересно ли тебе и другим девочкам сняться в клипе? Если нет, то тогда просто наймём массовку, это не проблема. Но было бы лучше, если бы в клипе снялся настоящий фан-клуб».

Надеюсь, я правдоподобно сочинил. Опять просматривает сразу и долго не отвечает. Она совершенно точно что-то подозревает. Не клюёт быстро. Но судя по тому, что психопатка читала сплетни про меня и Алессию, я ей все ещё интересен.

«Не знаю, надо подумать. Я уже давно не возглавляю твой российский фан-клуб и не общаюсь ни с кем из тех девочек»

«Но у тебя остались их контакты? Можешь им написать?»

«Наверно, в друзьях кто-то из них ещё остался»

«А мы можем встретиться лично и обсудить? Это все не бесплатно, естественно. Все получают гонорар за съемки»

Молчит. Бля, какая же она тугая. Или подозрительная. Впрочем, правильно ведь опасается. Конечно, никакого клипа и в помине нет.

«Ты меня тогда в Мюнхене сильно обидел»

Отлично. Она клюнула. Сейчас поломается немного, построит обиженку и согласится на встречу.

«Я специально ехала к тебе, ради тебя. А ты так грубо со мной поговорил. Я потом долго плакала»

«Юль, я плохо помню, что тогда было, потому что много выпил. Ну и твоё появление было слишком неожиданным. Плюс я был сопляком. Если обидел, извини. Злого умысла у меня точно не было»

«Я так тебя поддерживала на всех матчах, так за тебя болела. Я вообще не ожидала, что ты такой грубый»

«Твоя поддержка на матчах была колоссальной, и я помню ее до сих пор. Столько лет прошло, а я тебя не забыл. И когда мне предложили сняться в клипе с фан-клубом, сразу вспомнил про тебя и нашел тебя»

Посматривает и снова молчит.

«Ну так что? Тебе интересно мое предложение?»

«Ну можем обсудить»

От радости я аж подпрыгиваю. Но радость быстро сменяется гневом. Перед глазами снова Лиля. Хрупкая, беззащитная, в слезах и с болью в глазах. Внутри все сжимается,

к горлу ком подкатывает. Медленно опускаю веки, стараясь подавить ярость. Она зашкаливает. Как и боль за все, что произошло с Лилей.

«Это был наш ребёнок! Ему бы уже могло быть пять лет!».

Я приготовил для психопатки настоящий ад. Только она будет в нем не гореть, а мёрзнуть. По прогнозу погоды на выходных в Московской области минус восемнадцать. Юля прочувствует каждый градус на собственной шкуре. Я не выпущу ее, пока не признается мне на диктофон, что заказала нападение на Лилю. Ну и пока не даст контакты всех трёх исполнителей.

«Давай в эту субботу в четыре часа. Могу за тобой захватить. Напиши, куда».

Глава 10. Могила

Никита

— Привет, — Юля разводит губы не в улыбке, а в хищном оскале.

Захлопывает дверь автомобиля и сразу пристёгивается ремнём. Не изменилась. Такие же искусственно выкрашенные в блонд волосы, такой же яркий макияж. Сколько ей? Помню, что на год старше меня. Значит, двадцать семь.

— Привет. Сколько лет, сколько зим.

— Знаешь, а правду говорят, что мужчины всегда возвращаются, — и гордо вздергивает нос.

Трогаюсь с места и еду по направлению к светофору. Я забрал Юлю из дома. Она живет в сталинке возле Садового кольца. Значит, деньги у нее есть. Сама вряд ли заработала, получается, из богатой семьи. Это объясняет, откуда у нее были средства всюду за мной таскаться, включая Германию.

— Когда забываешь мужчину, когда перестаёшь о нем думать, он возникает на пороге.

А мозгов у нее не прибавилось. И это совершенно не делает Юле скидку за то, что она сотворила с Лилей. У меня руки чешутся — настолько сильно я хочу придушить ее прямо здесь и сейчас. Не знаю, как выдержу полтора часа дороги до леса в Подмосковье.

— Я знала, что ты вернёшься ко мне.

У меня не очень много терпения слушать этот бред. Злость медленно, по одному градусу закипает в венах. В ушах стучат слова Лили:

«Твоя больная чокнутая фанатка заказала избить меня».

К горлу ком подкатывает, когда вспоминаю Лилию в слезах. В ее глазах было столько боли. Дыхание перехватывает.

— Ты так и не смог меня забыть, — словно сквозь вату, в сознание врывается бредятина Юли. — Знаешь, а я тебя забыть смогла.

Ага, и именно поэтому читаешь бред, который пишут про мою личную жизнь желтые таблоиды.

— Куда мы едем? — наконец-то она додумалась задать самый важный вопрос.

— В Московскую область.

— В область? — удивляется. — А зачем так далеко?

— Там будут проходить съемки клипа.

— Ааа, понятно.

Я жду, что Юля еще что-нибудь нормальное спросит. Например, сколько заплатят за съемки. В конце концов, у какого певца мы будем сниматься. Но ни одного вопроса по существу она не задает. Всю дорогу несёт ахинею про то, что она меня забыла, а я ее нет. Тяжело это слушать, поэтому добавляю газа, чтобы побыстрее приехать.

— Где это мы? — наконец-то смотрит в окно, а не на меня.

— В Подмосковье.

— Какой-то лес, фонарей нет. Мы не въедем в дерево?

— Не въедем.

Найти бы нужное место. Присматриваюсь к деревьям со стороны водителя. Должны быть отметки.

Да, есть. Красные полосы. Еду строго по ним, пока не доезжаю до последнего дерева с отметкой. Торможу.

— Пора выходить, дальше пешком.

Прищуривается, глядя в лобовое стекло.

— Не видно никаких зданий.

— Чуть дальше будет амбар.

— Какой амбар?

— Съёмочные площадки фильмов, сериалов, клипов находятся в амбарах. Там делают декорации в виде комнат и даже улиц.

— Ааа, понятно.

Мы выходим из машины, и я достаю из кармана фонарик. Совсем ничего не видно. Юля послушно семенит рядом, хрустя снегом, и даже мысли у нее не возникает о подвохе.

— Пришли, — объявляю, останавливаясь у глубокой ямы.

— Что это? — удивленно смотрит на нее.

— Могила.

— Чья?

— Твоя.

Юля переводит на меня огромные, как по пять рублей, глаза. Три алкаша за тысячу долларов вырыли отличную могилу, несмотря на промерзшую землю. Глубокую. Без моей помощи Юля из нее не выберется. А рядом с могилой огром-

ная куча земли. Я буду засыпать ею чокнутую.

— Слушай меня внимательно, больная ты психопатка, — цежу с яростью. Наконец-то могу выпустить наружу свои истинные эмоции. — Шесть лет назад ты организовала нападение на мою девушку. Ее жестоко избили. Тогда тебе сошло это с рук, но сейчас не сойдёт. Ты будешь сидеть в могиле, а я буду засыпать тебя сверху землей. Вытащу из могилы, если во всем признаешься и дашь контакты исполнителей. А если не признаешься, засыплю тебя землей с головой. Все понятно?

Юля испуганно пятится назад. Пока не сорвалась на бег, хватаю ее за руку, срываю с плеча сумку, в которой лежит мобильник, и спускаю в могилу.

— Выпусти меня!!!!!! — верещит как резаная. — Ты больной!!!!???

— Больная у нас ты.

Беру лопату, зачерпываю землю из кучи и бросаю в могилу Юле под ноги.

— Чем быстрее ты признаешься в организации нападения на мою девушку и дашь имена и контакты исполнителей, тем быстрее выберешься из могилы. Я не шучу, Юля. Не признаешься — похороню заживо.

Надеюсь, она сломается быстрее, чем я засыплю ее землей хотя бы по пояс.

— Ты дебил!!! — орет, срывая голос. — Я вообще не понимаю, о чем ты!!! Какое нападение!?

Зачерпываю новую лопату и бросаю в могилу.

— Конечно, ты не понимаешь, о чем я, — подкидываю земли. — Ведь это не ты писала моей девушке угрозы, — еще одна лопата земли. — Ведь это не ты выкрикивала ей гадости, — и еще одна. — Ведь это не ты организовала на нее нападение и уехала из России.

— Я не понимаю, о чем ты!!! Ты меня с кем-то путаешь!!!

— Тебя невозможно ни с кем перепутать. Ты одна такая больная на всю голову.

Юля натурально бьется в истерике. Рыдает, кричит, топает ногами. Чтоб было сложнее топать, подкидываю еще несколько лопат, засыпая Юлю землей по щиколотку.

— Я не организовывала никаких нападений! Ты правда меня с кем-то путаешь! Вытащи меня отсюда! Я ни при чем! Я ничего не знаю!

Ее крики и мольбы меня не пронимают. Чокнутая ответит за каждую слезинку, сорвавшуюся с ресниц Лили.

— Вытащу, когда осознаешься в содеянном. Сейчас твоя жизнь в прямом смысле зависит от тебя, — подкидываю еще земли.

— Ты псих! Ты больной! Ты маньяк!

— Нет, Юля, это все ты.

Какая же она упёртая. Вместо того, чтобы честно признать вину и выбраться из могилы, она истерит, чем делает себе же хуже. Кажется, я просчитался с морозом. Из-за истерики Юле не холодно, а жарко. А вот я начинаю чувствовать минус

восемнадцать. Подкидываю Юле еще земли.

— Посиди тут одна, подумай о содеянном. Я вернусь через десять минут.

Ухожу в машину. Визги Юли слышны мне в салоне. Откидываюсь затылком на подголовник и закрываю глаза. Естественно, я не похороню Юлю заживо, как пригрозил. Мне придется достать ее из могилы и отвезти обратно домой, даже если она не сознается. Рискую карьерой, ведь Юля может написать на меня заявление в полицию. Хотя... Какую статью впаяют? Похищение? Юля добровольно со мной поехала. Я ее не бью, не насилую. Ну разве что насильно удерживаю. Думаю, смогу с этим разобраться, если заявит на меня. А если не смогу, то все равно по фиг. Я давно не дорожу своей карьерой.

Просидев в машине десять минут, возвращаюсь к Юле. Она не замолкала ни на секунду.

— Ну что? — спрашиваю, подкидывая земли. — Не надумала признаться?

— Я не понимаю, про какое избиение ты говоришь!!! Я ни при чем!!!

Блядь, как же она бесит. Зачерпываю землю и бросаю Юле не под ноги, а на голову.

— Хорошо-хорошо! Я расскажу тебе все, что мне известно!

Глава 11. Усатый мужик

Никита

Замираю с лопатой в руках. В крови происходит резкий выброс адреналина. Быстро включаю на телефоне диктофон, чтобы записать признание чокнутой.

— Ты организовала нападение на мою девушку? — спрашиваю, затаив дыхание.

— Нет, не я! Но у меня есть догадка, кто это сделал.

Что за...??? Пока молчу в шоке, Юля продолжает:

— Да, я знаю, что твою девушку жестоко избили, и она потеряла ребенка. Полиция приходила ко мне домой, когда я уехала за тобой в Мюнхен. Плюс допрашивали девочек, они мне все передали. Но это была не я! И не другие девочки!

Лопата выпадает из рук.

— Я тебе клянусь, что это были не мы с девочками! Да, нас бесила твоя девушка. Да, мы могли крикнуть ей какую-нибудь гадость. Но мы не заказывали нападение на нее!!! Это, наверно, был тот усатый мужик!

Включаю фонарик и направляю прямо на Юлю. Она стоит в земле почти по колено. Тонна косметики размазана по лицу вместе со слезами, соплями и землей, что я бросил ей только что на голову.

— Я клянусь, это были не мы!!! Мы виноваты только в том, что не рассказали полиции про усатого мужика! Я по-

просила девочек не рассказывать. Ну и когда я вернулась в Москву из Мюнхена, меня допросили, и я тоже не рассказывала про усатого мужика. Мы только в этом виноваты! Что умолчали! Но мы не заказывали нападение!!! Я клянусь, это были не мы!!!

— Что за усатый мужик!?

— Я не знаю. Я видела его в Москве на матчах. Думала, болельщик. А потом я заметила, что он ходит за твоей девушкой. Она в туалет, и он в туалет. Она за кофе, и он следом. Окончательно я в этом убедилась, когда ты играл в Краснодаре. Я поехала за тобой на матч, твоя девушка тоже была на трибунах. И мужик этот был. И он снова ходил за твоей девушкой.

Что за на хрен? Какой-то мужик следил за Лилей?

— Я не знаю, он ли организовал нападение на твою девушку. И я до конца не знаю, следил ли он за ней. Может, это реально был болельщик и просто совпадало, что ему надо в туалет и за кофе тогда же, когда и ей. Но это было подозрительно.

Пытаюсь переварить услышанную информацию. Какова вероятность, что Юля врет? Снова навожу на нее фонарик. Дышит надрывно, тяжело. Глаза огромные, полные страха.

— Я правду говорю! Это были не мы! Не я и не девочки! Наша вина лишь в том, что не рассказали полиции про усатого мужика!

— А почему не рассказали?

Молчит. Как будто смелости набирается.

— Мы радовались, что с ней это случилось, — произносит виновато.

Сука. Какая же сука. Реально похоронил бы заживо.

— И тогда в Мюнхене я поняла, что ты ничего не знаешь. И специально тебе не рассказала.

Усилием воли подавляю в себе ярость, чтобы не засыпать Юлю землей с головой. Руки трясутся, челюсть сжимается.

— А угрозы вы ей писали?

— Ну, может, пару раз.

— Как пару раз? Вы постоянно писали ей оскорбления и угрозы?

— Писали, что она страшная, похожа на лошадь и в таком духе. Это, в общем-то, чистая правда. Но что собираемся ее избить, такого не писали.

— Не избить. От вас были угрозы типа «смотри по сторонам, когда выходишь на улицу».

— Нет, такого не писали. По крайней мере я точно не писала. Другие девочки — не знаю.

Отхожу от могилы на несколько шагов. Меня разрывает изнутри. Сгибаюсь пополам и кусаю рукав куртки, чтобы не закричать от боли, что рвётся наружу. Это произошло с Лилей по моей вине. Я не уследил, не уберёг. За Лилей кто-то следил, а я ни сном ни духом. Я должен был ее спасти. Должен был. Никогда себе этого не прощу. Никогда.

— Так ты вытащишь меня отсюда? Мне холодно.

Выпрямляюсь и набираю полную грудь воздуха. Подхожу к Юле и снова свечу фонариком ей в лицо.

— Опиши усатого мужика.

— У него были усы.

— Это я уже понял по словосочетанию «усатый мужик».

Какие ещё приметы?

Пожимает плечами.

— Я уже не помню, если честно. Усы в глаза бросались, больше ничего примечательного не было. На вид, наверное, около сорока лет.

— Как одевался?

— Не помню. Обычно, наверное. Джинсы, куртка.

— Что ещё можешь вспомнить? Не только про мужика.

Что угодно. Любая деталь.

— Больше ничего. Когда полиция связалась с нами, мы с девочками сразу на того мужика подумали. Его не только я заметила, другие девочки тоже.

— Когда вы заметили его впервые?

— Не помню.

— Он был на финальном матче сезона?

— Не помню.

Больше я ничего из неё не выбую. Есть вероятность того, что чокнутая врет и блефует? Есть. Но почему-то мне кажется, что она говорит правду. Испугалась могилы не на шутку. Плакала, билась в истерике. Да и сейчас дрожит.

— Клянусь тебе, это были не мы, — тихо произносит.

Не лжёт, понимаю. Даю Юле лопату, чтобы расчистила ноги от земли. Как только она заканчивает, опускаюсь на корточки и протягиваю руку. Хватается за неё, и я тяну фанатку вверх. Жду, когда она отряхнется и возвращаю ей сумку.

— Я отвезу тебя домой.

Испуганно шарахается на шаг назад.

— Не бойся, не трону. Если не хочешь садиться ко мне в машину, дам деньги, поймаешь попутку и доедешь. Но ловить машину ночью на трассе опаснее, чем ехать со мной.

Недоверчиво смотрит на меня, видимо, взвешивая все «за» и «против».

— Поеду с тобой, — говорит робко.

Молча разворачиваюсь и иду к машине. Юля поспевает сзади. Как только садится в салон, включаю печку на полную мощность, чтобы чокнутая отогрелась. Когда на дороге появляется первое кафе, сворачиваю, чтобы взять ей горячий чай и сэндвич.

— Спасибо, — смущенно благодарит.

Мы едем в Москву молча. Юля украдкой бросает на меня взгляды, а я размышляю об «усатом мужике». Кто это мог быть? Зачем он ходил за Лилей? Усы — довольно запоминающаяся примета. Кто их вообще носит? Я вот сходу даже не могу вспомнить ни одного знакомого с усами.

— А ты только сейчас узнал, что произошло с твоей бывшей девушкой? — осмеливается задать вопрос.

Помедлив, отвечаю:

— Да.

— Нам полиция рассказала, что ее сильно избили и она потеряла ребёнка.

Молчу, глядя в лобовое.

— А почему полиция подумала, что это мы? Ну, в смысле, фан-клуб. Мало ли кто мог. Почему сразу мы?

— Потому что вы все больные на голову.

— Мы не больные, — оскорбляется. — Мы нормальные.

— Нормальные люди не занимаются сталкерством и не ездят ни за кем по пятам.

Юле не понравились мои слова. Отворачивается к окну и больше не произносит ни звука. Как только торможу у ее дома, тут же торопится вылезти из машины, но я пока не разблокировал двери.

— Если что-то ещё вспомнишь, напиши мне.

— Хорошо.

— Если я узнаю, что ты солгала или что-то намеренно утаила, реально похороню тебя заживо.

Испуганно отшатывается назад и бьется затылком об окно.

— Иди, — разблокирую двери.

Чокнутая пулей вылетает и бежит к подъезду. Смотрю на часы. Половина девятого вечера. Тренировки завтра нет, поэтому можно не торопиться в Мюнхен. Самолёт ждет меня в аэропорту. Завожу мотор и еду к Лиле. Надеюсь, она дома.

Глава 12. Гость

Лиля

Полтора часа дороги до дома выжимают из меня последние силы. Троллейбус, метро, потом автобус... И все это в лютый мороз, когда нужно ждать наземный транспорт по двадцать минут. Минус работы спортивным журналистом в том, что часто приходится трудиться на выходных. Спортивные соревнования регулярно проходят по субботам и воскресеньям, да ещё и вечером, так что освобождаешься от работы совсем поздно. Начальник дает потом отгулы в будний день, но это все равно не то. Когда приходится ехать на соревнования в субботу и писать оттуда репортаж, рабочая неделя получается шестидневной.

Захожу в подъезд и мысленно улыбаюсь. Остался последний рывок: подняться пешком на третий этаж. А потом меня ждут долгожданные диван и сериал.

Но как только я ступаю ногой на пролёт третьего этажа, тут же останавливаюсь в шоке как вкопанная.

Привалившись спиной к моей двери, стоит... Никита.
— Привет, — первым начинает разговор.

Я в таком изумлении, что не могу пошевелиться. Что он тут делает? Какого фига? Это прикол такой? Я только отошла после встречи выпускников, а он снова приехал. Куртка расстегнута, в руках шапка. И давно он тут?

— Что ты тут делаешь? — спрашиваю враждебно.

— Тебя жду.

— Зачем?

— Поговорить хотел.

Боже, о чем? Опять будет рассказывать мне о любви? Спустя шесть лет и столько всего пережитого, мне не нужна его любовь.

— Я по делу, — добавляет.

— Какому ещё делу?

Я так и стою на первой ступеньке лестничного пролёта. Не решаюсь подняться выше.

— Хотел подробнее расспросить тебя о нападении. Ну и мне удалось кое-что узнать.

Натягиваюсь как струна. Избиение — очень болезненная для меня тема. Я не люблю вспоминать и уж тем более обсуждать. И дело не только в том, что я потеряла ребёнка и лишилась возможности ещё иметь детей. Никто не найден и не наказан. Разгуливают на свободе и живут в свое удовольствие в то время, как у меня сломана жизнь. Мне неприятно думать о том, что все остались безнаказанными.

— Что тебе удалось узнать?

— Я виделся с фанаткой. Это была не она.

Не знаю, что повергает меня в ещё больший шок: что Никита поддерживает связь с чокнутой психопаткой или что поверил ей, будто это была не она.

— Лиль, пожалуйста, давай поговорим. Прошу тебя.

Сглатываю. Предыдущий визит Никиты перевернул мою налаженную жизнь вверх дном. Я неделю не могла отойти от его признания в любви. На свидание с Виталиком с сайта знакомств, естественно, не пошла. Не было сил. Он обиделся и больше мне не пишет.

Ничего не отвечая Никите, преодолеваю оставшиеся ступеньки и подхожу к двери. Пока достаю из сумки ключи, чувствую, как в груди шевелится волнение от столь близкого присутствия Свиридова. Он, конечно, изменился. Стал сильнее и мужественнее. Тогда он был парнем, а теперь молодой мужчина. Красивый. Не могу не признать это, хоть и разлюбила.

Пропускаю Никиту в квартиру и захожу следом. Не представляю, о чем мы будем говорить. Все ещё не могу отойти от шока, что он тут. Я ведь велела ему забыть меня и как меня зовут. А вместо этого он снова появился на моем пороге.

— Давно ждёшь? — спрашиваю, чтобы спросить хоть что-то.

— Час, наверное. Где ты была?

— На работе.

— В субботу? — удивляется. — И так поздно?

— Тебе ли не знать, что спортивные соревнования часто вечером и по выходным?

Прохожу в ванную, мою руки. Стараюсь не смотреть в зеркало, потому что Никита ровно за спиной. Протиснуться в дверной проем мимо него особенно сложно. Нервы разыгра-

лись, дыхание сбивается. Может, не надо было пускать его в квартиру? Хотя он все равно бы зашёл, как в прошлый раз. И что же это, он теперь постоянно будет приезжать? Прознал, где я живу.

— Чая для тебя по-прежнему нет, — говорю недружелюбно, когда он заходит на кухню.

Я сажусь на стул, потому что почти час стояла в метро и не чувствую ног. Свиридов, видимо, расценивает это за приглашение тоже сесть. Опускается на стул напротив меня.

— Я нашел чокнутую и хорошо ее припугнул, чтобы призналась в содеянном. И она призналась, но не в том, что заказала нападение на тебя, а в том, что за тобой была слежка, и она ее заметила, но намеренно не рассказала полиции.

Никита достаёт из кармана джинс телефон, бьет несколько раз по экрану, и включается диктофонная запись. Я сразу узнаю противный голос Юли. Она верещит, что не имеет отношения к моему избиению и рассказывает про какого-то усатого мужика. Когда запись кончается, на кухне повисает тишина.

— Может, она и обманула меня, — Никита первым прерывает молчание. — Но мне показалось, что она говорит правду.

— А что ты ей устроил?

На записи были странные слова чокнутой: «Так ты вытащишь меня отсюда? Мне холодно». И еще были какие-то непонятные звуки.

— Три алкаша вырыли по моему заказу могилу, я посадил в нее Юлю и стал засыпать сверху землей.

— Что!?

— Ну а как еще мне было заставить ее говорить? Не буду же я ее бить. А так ночь, лес, могила, я сыплю на нее сверху землю из лопаты. Она испугалась и выдала все, что знает.

Я аж не нахожусь, что ответить. И правда, очень оригинально. Вот только не понимаю, для чего Никита все это делает.

— Зачем ты это устроил?

— Я хочу найти всех, кто сотворил с тобой это, и наказать. Я не успокоюсь, пока каждый виновный не понесёт заслуженное наказание. Сейчас выясняется, что нападение на тебя организовал не фан-клуб.

— А кто тогда?

— Я не знаю, Лиль. Но обещаю: я выясню, кто это сделал. Я всех найду.

Никита произносит последние слова с таким пылом, что понимаю: настроен очень серьезно. Громко вздохнув, отворачиваюсь в сторону. В горле образовался тугой ком, мешающий дышать. Если виновные будут найдены и понесут наказание, это все равно не вернёт мне ни ребенка, ни здоровье. Но знать, что они живут припевающе, разгуливают на свободе, приносит дополнительную боль. Я не мстительный человек по своей натуре, но преступник должен быть наказан. В конце концов, должна же существовать справедливость,

должно же существовать правосудие.

— Включи запись еще раз, — прошу.

Никита нажимает кнопки, и истеричный голос Юли снова заполняет кухню. Я слушаю внимательно, пытаюсь определить по интонации фанатки, врёт ли она. Вроде правдоподобно визжит. Неужели действительно не она?

Господи...

А кто тогда?

Глава 13. Дело

Лиля

— Ты помнишь какого-нибудь усатого мужика? — спрашивает Никита, когда запись выключается.

Отрицательно качаю головой.

— Нет.

— А хоть кого-нибудь можешь вспомнить на трибунах?

— Я не обращала внимания на других болельщиков. Даже не помню, были ли одни и те же люди на каждом матче. Фанатки твои в глаза бросались, потому что слишком шумели. А так я в основном только на тебя смотрела.

— На чем остановилось следствие шесть лет назад?

— Да ни на чем. Я сказала, что подозреваю главу твоего фан-клуба и дала следователю все номера, с которых поступали угрозы. Юля тогда была не в России, допросили других фанаток. Они ни сном, ни духом. Номера, с которых поступали угрозы, были с сим-карт, купленных у метро и, соответственно, ни на кого неоформленных. Сообщения с реальных номеров твоих поклонниц тоже были, но именно с них поступали не угрозы, а оскорбления. Это другое. Потом Юля вернулась в Россию, ее допросили. Она сказала, что ничего не знает. Мое слово против ее слова. Ей ничего не смогли предъявить, поскольку у меня не было конкретных доказательств, что она организатор нападения. Пытались просматривать

ривать уличные камеры видеонаблюдения, чтобы найти исполнителей, но тоже ничего не увидели. Так дело и заглохло.

Никита задумывается. На кухне снова повисает тишина, прерываемая только звуками с улицы. Я испытываю немного странные ощущения. Свиридов сидит на моей кухне, разговаривает со мной. Мне это точно не снится? Стараюсь не смотреть на Никиту, но глаза так и тянутся в его сторону. В ушах стучит признание:

«Я тебя люблю».

Зачем он это сказал? Зачем снова появился? Я же так хорошо жила без него. А теперь нервы в оголенные провода превратились, сердце ходуном заходится.

— У тебя не было ощущения, что дело специально на тормозах спускают? — спрашивает после очень долгой паузы.

— Если честно, было, — признаюсь. — Следовательно не хотел им заниматься. А на все претензии отвечал, что у него помимо моего дела еще десятки других, и есть поважнее. Например, убийства.

— Как думаешь, почему дело спускалось на тормозах?

— Я думаю, потому что твоя мама заплатила ему, чтобы тебя не допрашивали как свидетеля. А если бы всех виновных нашли и был бы суд, то тебя пришлось бы допросить.

Озвучиваю вслух свою догадку, не боясь задеть чувств Никиты. Я правда так считаю. Тетя Женя очень не хотела, чтобы Никита обо всем узнал, но в случае суда над виновными, Никите пришлось бы давать свидетельские показания.

— Я разговаривал с матерью, — Свиридов не выглядит хоть сколько-нибудь задетым моими словами. — Она призналась, что хотела скрыть нападение на тебя, и дала телефон следователя. Но я пока ему не звонил.

Пожимаю плечами.

— Позвони, если хочешь. Но вряд ли он помнит мое дело, потому что шесть лет прошло. А если помнит, все равно ничего полезного не скажет, потому что ничего полезного не узнал.

— Со следователем опасно связываться, потому что если дело намеренно спускалось на тормозах и следователю платили, то он может передать заказчикам, что началось выяснение обстоятельств. А это новые риски, в том числе для тебя.

— Так ему платила твоя мама, чтобы тебя не допрашивали.

— Если ему платила моя мама, то мог платить и кто-то еще. Например, заказчики. А если целью было замять дело, то вряд ли платили только одному рядовому следователю. Чтобы спустить на тормозах целое уголовное дело, нужно много кому заплатить. А у моей мамы нет таких связей и такой власти, чтобы замять уголовное дело. Она домохозяйка, которая печёт пироги и радуется, когда ее сына показывают по телевизору.

Никита, безусловно, недооценивает свою мать. Но в словах Свиридова есть зерно истины. Если нападение на меня

организовала не фанатка и если дело намеренно спускалось на тормозах, то потому ли, что тетя Женя дала взятку, чтобы Никиту не допрашивали? Или следователю и всему его начальству мог заплатить кто-то еще, чтобы не дать делу ход? Кто-то гораздо влиятельнее тети Жени.

Кошмар, ну и детектив вырисовывается.

— Как думаешь, — голос Никиты врывается в мой мыслительный процесс. — А нападение на тебя могло быть связано не со мной? Ну если допустить, что это и правда не фанклуб.

Отрицательно качаю головой.

— Исполнители говорили про тебя.

— Что именно говорили?

— Когда они подошли ко мне в парке, один из них спросил: «Ты телка того футболиста?». А другой за меня ответил: «Да, это она». Ну и потом еще про тебя говорили.

Отворачиваюсь, чтобы Никита не видел моего лица.

— Что говорили?

— Да не важно. Просто тебя упоминали.

— Лиль?

Продолжаю смотреть в сторону. Внутри все больно сжимается. Эти уроды ведь могли...

Никита встает с места и подходит ко мне. Опускается передо мной на корточки и нежно берет в ладони мое лицо, фокусируя взгляд на себе.

Глава 14. Ключи

Лиля

— Лиля, что они говорили?

Резко откидываю голову назад, сбрасывая ладони Никиты.

— Не прикасайся ко мне!

Щеки горят огнем, жадно хватаю ртом воздух.

— Извини.

Прикосновение Никиты словно разряд тока по всему телу пустило. Встаю со стула и делаю несколько шагов в сторону. Хочется умыться ледяной водой, чтобы погасить пожар.

— Так что они говорили? — торопит меня с ответом.

— Один из них хотел меня изнасиловать, — небрежно бросаю. — А второй его остановил. Тогда тот, что хотел изнасиловать, задался вопросом: «Футболисту можно ее трахать, а мне нет?».

На кухне повисает звенящая тишина. Я затылком чувствую шок Никиты. Поворачиваю к нему голову. Побледнел.

— Они...? — не договаривает, но я понимаю, что он имеет в виду.

— Нет-нет, — спешу успокоить. — Изнасилования не было. Только избиение.

Свиридов отходит к окну. Опускается ладонями на подоконник с горшками цветов и приваливается лбом к холод-

ному стеклу. На улице ночь, а здесь на кухне яркий свет, поэтому я вижу лицо Свиридова, как в зеркале. Он зажмурил глаза и стиснул челюсть. Мне знакомо это выражение. Так Никита пытается подавить в себе ярость.

— У тебя сохранились сообщения с угрозами? — резко переводит тему. — И номера.

— В старом телефоне, наверное, сохранились.

— Ты их не удаляла?

— Нет.

— Дай мне свой старый телефон, пожалуйста.

— Его надо найти.

Направляюсь в гостиную. Никита зачем-то следует за мной, хотя я бы предпочла, чтобы он остался на кухне. Я все еще чувствую его ладони на своих щеках, это дезориентирует. А под пристальным взглядом проверять шкафы еще сложнее. Я не могу сконцентрироваться на том, что ищу, по десять раз заглядываю в одни и те же ящики и ничего в них не вижу. Никита не сводит с меня глаз, жадно ловит каждое мое движение. Мне хочется попросить его не смотреть, потому что я напряжена и натянута.

— Вот он, наконец-то! — искренне радуюсь, обнаружив телефон. — Надо его зарядить.

На мое счастье тут же и зарядка лежит.

— Вот, — передаю Никите в руки.

Он забирает у меня старый айфон со шнуром и снова касается моих ладоней. На этот раз случайно. Вздрагиваю. От-

хожу на шаг назад. Никита так пронзительно на меня смотрит, словно в душу заглядывает.

— Уходи, — произношу на выдохе. Потому что понимаю: ни секунды больше рядом с ним не вынесу. Это слишком тяжело. Я ведь не железная, хоть и разлюбила давно.

— Я дам тебе знать, когда узнаю что-то новое, — а затем, помедлив, добавляет: — Лиля, клянусь, я всех найду.

Глаза стремительно наливаются слезами. Не хочу, чтобы Никита их видел.

— Тебе пора.

Согласно кивает. Не спорит.

— И последнее. Хотел спросить: часто ты возвращаешься домой так поздно, как сегодня?

Это неожиданный вопрос, на секунду теряюсь.

— Эм... Ну, периодически. А что? Это край Москвы, сюда долго ехать. Логично, что прихожу домой поздно, даже если освобождаюсь с работы в нормальное время.

Никита лезет в карман и достаёт какие-то ключи.

— Возьми. Это ключи от моей квартиры. Она в центре. Ты же помнишь адрес? Оставайся на ночь в ней, если работаешь допоздна.

Я таращусь на Никиту во все глаза, не веря в услышанное.

— И не только допоздна. Оставайся там в любой день, чтобы не ехать так далеко. Если хочешь, можешь постоянно там жить.

Я аж не нахожу слов — настолько меня поразило его пред-

ложение. Отмираю, только когда Никита вкладывает связку ключей мне в руки.

— Мне не нужна твоя квартира, — категорично заявляю и сую ключи ему обратно. — Не собираюсь я ни жить в ней, ни просто оставаться.

— Лиль, пожалуйста, я прошу тебя. Ты слишком далеко живешь, возвращаешься очень поздно. Это опасно.

— Я сказала, нет! Я лучше буду ехать два часа на трёх видах транспорта, чем еще хоть раз переступлю порог твоей квартиры.

Никита обреченно вздыхает.

— Хорошо. Тогда ты можешь ездить к родителям, если работаешь допоздна?

— Я не для того переезжала от родителей, чтобы ездить к ним после работы. И тебе пора.

Никита ещё секунду смотрит на меня, а потом разворачивается и молча уходит в прихожую. Я не иду его провожать. Привалившись к стене, слушаю, как он одевается и выходит. Кожу покалывает в тех местах, к которым прикоснулся Никита.

А через полчаса, когда я забираю с пуфика в прихожей свою сумку, нахожу в ней связку ключей от квартиры Никиты.

Глава 15. Психопат

Никита

— Свиридов, у тебя ноги деревянные, что ли!? — кричит тренер. — Быстрее беги, ты главный нападающий, мать твою!

Моя голова занята расследованием. Я думаю о нем даже на тренировках. Сезон в этом году начался рано, в середине февраля. Скоро матч, так что было бы не плохо сконцентрироваться на футболе. А еще через четыре месяца Чемпионат мира. Нужно сделать все возможное, чтобы хотя бы из группы выйти. О победе сборной России, конечно, речи идти не может. Для нас успех — это выйти в плей-офф.

Вечера после тренировок я провожу с Лилиным телефоном в руках. Нахожу все сообщения с угрозами и оскорблениями от неизвестных номеров. Выстраиваю их в хронологическом порядке. Обращаю внимание, что сначала были только оскорбления по типу «Ты страшная» или «Фу что Никита в тебе нашел». Я звоню по каждому номеру, с которого приходило оскорбление, и каждый раз трубку берет какая-нибудь девушка. Угрозы появились позднее, и они не с тех номеров, с которых приходили оскорбления. Я звоню по ним. Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Есть еще одна деталь, которая бросается в глаза. Оскорб-

ления написаны с орфографическими и пунктуационными ошибками. Например, в сообщении «Фу что Никита в тебе нашел» после «фу» должна быть запятая, а ее нет. В смс «у тебя какой то дурацкий пуховик как и ты сама» слово «какой то» должно быть написано через дефис, а перед «как» стоять запятая. Точно такие же ошибки у десятков других оскорблений. Лишь малая доля из них написаны правильно.

При этом в угрозах и пунктуация, и орфография соблюдены идеально.

«Смотри по сторонам, когда выходишь на улицу»

«Не советую выходить из дома ночью, это может быть опасно»

«Я знаю, где ты живешь»

Блядь, что за психопат это писал??? Лиля не показывала мне эти сообщения, лишь обтекаемо говорила, что поступают угрозы. Все они с точки зрения русского языка написаны правильно. Ни одной орфографической или пунктуационной ошибки. У психопата точно была в школе пятерка по русскому языку.

Я укоренеюсь во мнении, что нападение на Лилю организовал не фан-клуб. Эти дуры даже не знают, когда ставить запятые. Провернуть такое дело, как жестокое избиеение, и при этом замять его, у них мозгов точно не хватит. Если бы они хотели как-то покалечить Лилю, то просто вцепились бы ей в волосы прямо во время матча. А тайные угрозы, слежка, наём исполнителей, а потом взятки следствию, чтобы спу-

стить дело на тормозах, — это не про двадцатилетних девочек из фан-клуба.

В этом деле действовал профессионал, и я ума не приложу, кто это мог быть. Все угрозы с разных телефонов. Один номер — одна угроза. Но судя по полному отсутствию ошибок и похожему стилю — писал их один человек.

Жгучее чувство вины перед Лилей разъедает меня. Она ведь говорила мне про угрозы, а я не придавал значения. Надо было еще тогда писать заявление в полицию и нанимать телохранителей. Это я виноват. Во всем, что произошло с Лилей, виноват только я.

А сейчас она ходит одна по ночам. Я как подумаю об этом, так сердце разрывается. Надежды на то, что Лилия стала оставаться в моей квартире, конечно же, нет. Она настроена слишком категорично против меня. Имеет право. Вот только вопрос ее безопасности теперь для меня на первом месте. Я не могу допустить, чтобы с Лилей произошло нечто подобное. Молодой девушке поздно ходить одной в принципе опасно, а учитывая, что я взялся распутывать клубок событий шестилетней давности, риски для Лили возрастают. Вдруг на нее снова организуют нападение?

Я не придумываю ничего лучше, чем приставить к Лиле телохранителя. Ей об этом, естественно, не говорю. Когда она узнает, возненавидит меня еще больше. Ну и пусть. Зато теперь она точно обезопасена. Профессиональный телохранитель ходит за ней повсюду на расстоянии двадцать метров.

Лиля его не замечает. С одной стороны, это хорошо: не устроит разборки, кто это такой ее преследует. А с другой, получается, она и шесть лет назад не замечала за собой такую же слежку. Некий усатый мужик повсюду за ней ходил, а она его не видела. С прискорбием вынужден признать, что Лиля невнимательна.

По десятому кругу перечитываю смс с угрозами. Смотрю на даты и время их отправления. Пытаюсь вспомнить, что было в тот период. Первая угроза поступила 22 октября в 14:03. Что было в тот день? Не помню. А что было накануне? Тоже не помню.

Выучив угрозы наизусть, я борюсь с соблазном посмотреть что-нибудь еще в Лилином телефоне. Например, нашу переписку. У меня она не сохранилась. Я был записан у Лили «Мой Никита ♥#♥#♥#». А она у меня просто по имени.

Воскресенье, девять вечера. После трёх часов в спортзале я выжат как лимон. Нажимаю кнопки на кофемашине и жду, когда приготовится напиток. Затем запрыгиваю на высокий барный стул, выключаю свет и задумчиво гляжу в большие панорамные окна, крутя в руках Лилин телефон. В Москве сейчас семь вечера, час назад телохранитель отчитался мне, что Лиля зашла в подъезд, и в окнах ее кухни загорелся свет. Она сегодня работала. Сначала ездила на соревнования, а потом в редакцию газеты.

Ужасная работа у журналистов. И в выходные, и в праздники, и по ночам. В Москве огромные расстояния, по словам

телохранителя, Лиля проводит в общественном транспорте от полутора часов и больше.

Скучаю безумно по ней. Сейчас, когда снова увидел, даже сильнее, чем раньше. Я захотел найти ее и поговорить два года назад. К тому моменту я в полной мере осознал свои чувства к Лиле, потом принял их, а затем смирился с тем, что они не проходят, что бы я для этого ни делал. Тогда я уже знал, что Лилия не живет у родителей. Я увидел во дворе ее отца и подошёл к нему.

— Здравствуйте. А Лилия больше тут не живет, да? Не подскажите, где можно ее найти?

Мне казалось странным ни с того ни с сего спустя четыре года после расставания позвонить Лиле с вопросом «как дела?». Я думал, будет лучше увидеться лично и спокойно поговорить, объяснить, попросить дать мне шанс все исправить.

Отец Лили, увидев меня, сначала опешил, а затем стремительно побегал.

— Ты, щенок, если хоть на пушечный выстрел подойдёшь к моей дочке, я лично тебе все ноги переломаю так, что не только бегать с мячом не сможешь, сидеть не сможешь. Ты понял меня!? — багровый от ярости, он захлопнул дверь своей машины и медленно надвигался на меня. — Как тебе хватает наглости произносить вслух имя моей дочери!? Пошёл вон, пока я тебя не убил!!! — заревел на весь двор как зверь.

Я не просто удивился. Я охуел. Но совет Лилиного отца пойти вон я послушал. Поднялся в квартиру и сразу спросил у мамы:

— А ты больше не дружишь с Лилиными родителями?

Она не ожидала от меня такого вопроса, немного растерялась.

— С чего ты взял?

— Я сейчас встретил во дворе Лилиного отца, спросил про нее, а он меня грубо послал.

— Ах вот что. Ну, он немного обижен на тебя за ваше расставание.

Немного? По-моему, овер дохера много.

— Но ты с ними еще общаешься?

— С Верой общаюсь. А что?

— Ты не знаешь, где Лиля?

— В смысле где?

— Она же тут не живет, так? Ты говорила мне давно еще.

— Да, не живет.

— А где она теперь живет? Можешь спросить у ее мамы?

— Так она к своему парню переехала. Вера говорила, что к свадьбе готовятся. А почему ты спрашиваешь?

Меня словно молния поразила. Я застыл на месте с четким ощущением, что наступил конец света.

— Я хотел с ней поговорить... — промямлил и привалился к стене в прихожей.

Мать тут же изменилась в лице.

— Никита, не лезь к Лиле! — строго начала. — Вы давно расстались, она выходит замуж, о чем ты собрался с ней говорить? Это, как минимум, некорректно. Лилия — чужая невеста. Не смей лезть в чужие отношения. Столько лет прошло, ты думал, она будет тебя ждать? У Лилии давно своя жизнь. А тебе бы не помешало заняться своей. Что это за девицы легкого поведения, с которыми тебе приписывают романы? Ты не можешь найти себе хорошую девочку? Почему каждый раз, когда я открываю сайт «Спортивного экспреса», я вижу тебя там с какой-нибудь, прости Господи, проституткой?

— Не проституткой, а моделью, — поправил на автомате, думая совсем о другом.

— Это одно и то же.

Мать еще что-то говорила. Я вышел из родительской квартиры и поехал в свою. Мне нужно было прийти в себя после ошеломительной новости о том, что Лилия выходит замуж.

У меня не возникло идеи перепроверить слова матери. Да и у кого было спрашивать? У Вовы? Я для него враг номер один. Из других одноклассников более-менее связь была только с Соней. Ну как связь. Она поздравляла меня с днем рождения, а я поздравлял ее. Вот и все наше общение. Ну, может, она еще могла прислать мне открытку на Новый год, а я отвечал ей текстом: «И тебя с Новым годом!». Больше ни с кем из класса я не общался. Да и Лилия тоже ни с кем из остальных одноклассников не дружила. В соцсети Лили

я заходил регулярно, там не было фотографий с парнем. Но это ни о чем не говорило. Она могла не выкладывать фото с женихом.

Если бы я мог предположить, что родная мать способна мне так лгать, то, конечно, спросил бы у Сони, правда ли, что Лиля собирается замуж. Но у меня за двадцать шесть лет моей жизни ни разу не возникло мысли усомниться в маминых словах. Кстати, может, она и до этого мне о чем-нибудь лгала. Теперь уже не важно, но доверять ей я больше никогда не смогу. И отцу тоже. Он все знал и просто молчал.

Я не собирался ехать на встречу выпускников. У меня правда не получалось. Начался футбольный сезон, тренер и руководство клуба были злыми, и тренировки стояли даже по субботам. Но когда я увидел в чате сообщение от Лили, что она придёт, у меня весь воздух из легких выбило. Я захотел ее увидеть. Пусть она замужем. Пусть она беременна или уже родила. Не важно. Я отчаянно сильно, до ломоты в костях, до потери сознания, хотел хотя бы просто один раз ее увидеть.

И сейчас хочу. Внутри все скручивается в тугий узел — настолько сильное желание. Хоть десять минут с ней поговорить. Просто услышать ее голос, увидеть ее глаза.

Хватаю свой телефон и звоню менеджеру по аренде частных самолетов. Он меня уже знает.

— Здравствуйте, есть прямо сейчас свободные джеты в Мюнхене? Рейс в Москву.

— Здравствуйте. Да, есть один свободный джет с экипажем. Когда вылет?

— Чем скорее, тем лучше.

— Когда обратно?

Завтра в девять утра у меня тренировка. Если повезёт вылететь через час, то во Внукове буду в одиннадцать часов по местному времени. Пока возьму в аэропорту машину, пока доеду до Лили, время будет близиться к часу ночи. Ну и минут десять, максимум пятнадцать, получится пообщаться с Лилей. Дольше она не позволит мне у себя остаться.

— Думаю, обратно в три ночи.

— Хорошо. Жду вас в аэропорту для подписания договора и оплаты.

— До встречи.

Сую в карман джинс Лилин телефон, беру спортивную сумку с формой и буцами для завтрашней тренировки и спускаюсь на первый этаж. У меня большой дом в пригороде Мюнхена. Достаю из шкафа тёплую куртку для поездок в Россию и ботинки. Одевшись и схватившись за дверную ручку, на секунду торможу. Затем разворачиваюсь, поднимаюсь обратно на кухню, открываю шкафчик и захватываю с собой упаковку чая.

Глава 16. Чай

Лиля

Время близится к часу ночи, меня вовсю клонит в сон, но до конца серии еще десять минут. Снимаю с лица увлажняющую маску и удаляю остатки тоником. Люблю такие вечера, когда я могу расслабиться перед сериалом и устроить себе домашнее спа. Тянусь к тумбочке за питательным кремом-маской для рук и наношу на сухую кожу ладоней. Зеваю.

Телефон издаёт звук входящего сообщения с сайта знакомств. Бросаю взгляд на экран. Мне пишет Антон. Познакомилась с ним несколько дней назад. По фото симпатичный, но мы ещё не встречались. Только переписываемся. Он пока не приглашал меня на кофе. Я тоже не тороплюсь. Парней с сайта знакомств я предпочитаю сначала хорошо прощупать по переписке, и если в общении все устроит, тратить время на личную встречу. Я слишком далеко живу, чтобы тащиться полтора часа в центр на свидание к парню, который в итоге не понравится.

«Как прошёл твой день?»

Интересуется моими делами. Плюсик ему за это.

Разблокирую экран, чтобы напечатать ответ, как вдруг раздаётся звонок в дверь. От неожиданности и испуга я аж подпрыгиваю на постели. Замираю. Прислушиваюсь. Звонок

в дверь повторяется. В груди шевелится неприятное предчувствие, под кожей ползёт страх. Господи, кто это? Почти час ночи.

Снова звонок в дверь.

Тихо встаю с кровати и на цыпочках крадусь в прихожую, освещая себе дорогу телефоном. Затаиваюсь под дверью и прислушиваюсь к звукам в подъезде. Опять звонок в дверь.

— Лиль, это я, Никита.

Голос Свиридова простреливает меня молнией. Хватаюсь одной рукой за сердце, а второй открываю замок.

— Привет, — за дверью и правда стоит Никита. — Разбудил?

— Какого хрена!? — набрасываюсь на него сходу. — Да меня чуть инфаркт не хватил!

— Извини, что напугал.

Присматриваюсь к нему. Без шапки, на светлых волосах капли от растаявших снежинок, тёплая куртка застегнута.

— Что ты тут делаешь?

— Приехал к тебе.

— Зачем?

— Увидеть тебя хотел.

— Зачем?

Открывает рот, чтобы ответить, но тут же захлопывает его, будто передумал. Взгляд становится как у побитого щенка.

— Позволишь мне войти?

— Зачем?

Я начинаю злиться. Он теперь все время будет ко мне таскаться? Прознал, где я живу, сволочь. Видимо, придется переезжать. Жаль, мне нравится эта квартира. Здесь две комнаты, приличный косметический ремонт и хорошая хозяйка, которая не приезжает, а принимает от меня оплату на карту.

— Я насчёт смс с угрозами. Я их все изучил.

И почему мне кажется, что Никита быстро перевёл тему?

— Ну и что в этих смс?

— Можно я зайду?

Немного сомневаюсь, пускать ли его в квартиру. С одной стороны, не хочется. А с другой, любопытно, что он нарыл в смсках.

Любопытство берет верх над гордостью. Распахиваю дверь шире, позволяя Свиридову войти.

— Чая для тебя нет, — отрезаю, когда он расстёгивает куртку.

— А я привёз свой. — И в подтверждение своих слов Никита достаёт из широкого кармана куртки упаковку листового чая. — Кипяток для меня найдётся?

Опешив, несколько секунд смотрю на чай в его руках.

— Кипятка для тебя тоже нет, — огрызаюсь. — Только горячая вода в кране.

— Отлично, мне подойдёт!

Он взял с собой чай, чтобы меня потроллить? Похоже на то. Начинаю злиться еще больше. Разворачиваюсь и ухожу

на кухню. Там достаю из шкафчика две кружки. В свою бросаю пакетик «Гринфилда», наливаю в чайник воду из фильтра, ставлю на место и нажимаю кнопку. Никита заходит и останавливается в дверном проёме. Смотрит на меня, пока я жду, когда закипит чайник.

Под его взглядом чувствую себя неуютно. В голову лезут мысли о том, как я выгляжу. На мне серая плюшевая пижама с мордой зайца на все туловище, на ногах пушистые розовые тапочки, волосы еще влажные после душа. Не самый привлекательный внешний вид. Шесть лет назад я ходила при Никите в соблазнительном белье, а не в домашней пижаме.

Секунды тянутся бесконечно долго, я уже нервничаю. Лицо покалывает от взгляда Никиты. Неприлично так неотрывно пялиться на человека! Наконец-то чайник выключается. Я наливаю кипяток в свою кружку и ставлю чайник на место. Вытаскиваю пакетик и выбрасываю в мусорное ведро под мойкой. Сажусь на стул.

— Так что там в смс? — тороплю Никиту с рассказом. Пускай побыстрее выкладывает и уходит.

Он, не торопясь, насыпает в кружку чайную ложку листьев, потом подходит к крану, открывает горячую воду и наливает в кружку.

— Ты что, серьезно, будешь пить чай, заваренный водой из-под крана!? — ужасаюсь.

— Ну да. Ты же сказала, что для меня нет кипятка.

— Я пошутила! Налей из чайника.

— Да не надо. Мне и так нормально.

И в подтверждение своих слов долларовый миллионер из списка Форбс делает глоток из кружки. Я аж теряю дар речи. Перевожу взгляд на упаковку его чая. Какой-то элитный, как и полагается миллионеру. Не то что мой «Гринфилд» в пакетиках.

— Ник, я правда пошутила. Залей чай кипятком.

— Зачем? Он и так заварился.

Садится на стул и с довольным видом делает новый глоток из кружки.

— Долларовые миллионеры не пьют воду из-под крана.

— Почему ты так думаешь? Еще как пьём, — и опять глоток из кружки.

Нет, ну он точно троллит меня. Беру из вазочки конфету и кидаю в Никиту. Она попадает ему в плечо и падает. Никита поднимает с пола конфету и смотрит обертку.

— О, молочный шоколад с нугой. Люблю такое. — Разворачивает фантик и отправляет конфету в рот. — Вкусная, — хвалит и запивает чаем.

— В этой шоколадной конфете нет ни грамма шоколада, потому что она из самого дешевого супермаркета у дома. А еще она только что побывала на полу. Долларовые миллионеры такое не едят.

Пожимает плечами.

— Я ем.

— Ты точно долларовый миллионер? — недоверчиво при-

щуриваюсь.

— Не знаю. Журналистам из Форбса виднее, сколько у меня денег. Можно мне еще одну конфету?

Я бы придушила его за этот троллинг. Но почему-то начинаю громко смеяться. Самый высокооплачиваемый футболист нашей страны, победитель Лиги Чемпионов, главный нападающий сборной России сидит на моей кухне на отшибе Москвы, пьет чай с водой из-под крана и ест дешевые конфеты. Да это просто анекдот.

— Можно, — разрешаю, смеясь.

Никита тянется к вазочке и берет новую конфету. Я медленно расслабляюсь. Опускаюсь спиной на спинку стула, вытягиваю под столом ноги и тоже делаю глоток из кружки.

— Так что там с смс?

— Это точно был не фан-клуб, — Никита тоже становится серьезным. — Угрозы стали поступать, начиная с 22 октября. Давай попробуем вместе вспомнить, что было в тот день или накануне.

Глава 17. До никогда

Лиля

— Не знаю. Я не помню, что было в тот день.

Я не обращала внимания на точную дату, когда поступила первая угроза. Я вообще не отличала оскорбления от угроз. Для меня это было одно и то же.

— Надо вспомнить, Лиль. Это может быть важно.

Задумываюсь. Конец октября. Мы с Никитой уже встречались, я ходила на его матчи. Иногда мелькала по телевизору на трибунах. Тетя Женя всю меня ненавидела и ревновала к тому, что мне Никита разрешает приходить на его игры, а ей нет. Что еще было в конце октября? Мы стали выкладывать совместные фотографии в соцсети. Про наши отношения знали все друзья и папарацци.

— Наверное, в конце октября мы заявили широкой общественности о том, что мы вместе, — выдвигаю предположение. — Помнишь, ты давал интервью какому-то спортивно-му СМИ, тебя спросили про личную жизнь, а ты ответил, что у тебя есть девушка, и ее зовут Лилия?

Никита возводит глаза к потолку.

— Да... Помню, — отвечает не очень уверенно. — А что это было за газета?

— Не помню название, ты много кому давал тогда интервью.

— Думаешь, нападение на тебя было связано с тем, что мы официально объявили себя парой?

— Я не знаю, с чем было связано нападение на меня, Ник,
— горько ухмыляюсь. — Очевидно, с тобой.

Никита моментально грустнеет.

— Да, со мной, — соглашается с горечью в голосе. — И я ума не приложу, кому и зачем это понадобилось.

Последнее произносит как риторическую мысль вслух.

— Я тем более ума не приложу. Было бы логично, если бы это был твой фан-клуб. Они больные на голову, они одержимы тобой, а я мешаю им добиваться твоего внимания. Есть масса примеров, когда фанаты калечили людей. Не зря же знаменитости мирового уровня и их семьи ходят с охраной. Джона Леннона застрелил фанат. Но если это был не твой фан-клуб, то я не знаю, кто.

Никита устало трет лицо.

— Прости, что тогда не отнёсся к угрозам серьезно. Если бы я сразу приставил к тебе охрану, то ничего бы не случилось.

Свиридов произносит это голосом, пробирающим до костей. Я съеживаюсь, обхватываю себя за плечи.

— Я бы не согласилась ходить с охраной.

— Надо было писать заявление в полицию.

— Полицию легко купить, как мы убедились.

Никита качает головой.

— Я должен был предпринять меры, чтобы обезопасить

тебя. Никогда себе не прощу.

Он опускается затылком на стену позади головы и прикрывает веки. Никита выглядит очень уставшим. Когда он последний раз нормально спал? Под глазами темные круги, на лице отросшая щетина. Я подтягиваю на стул ноги и опускаюсь подбородком на колени. Продолжаю рассматривать Никиту.

Может, надо было рассказать ему обо всем шесть лет назад? Вдруг не получилось бы замять дело, и всех виновных бы нашли? А я не захотела его жалости. И еще не хотела, чтобы приезжал сидеть возле моей кровати в больнице, а потом снова уезжал. А он ведь уехал бы. Все равно бы уехал.

И осознание этого отдаёт болью в груди.

— Можешь пересказать все, о чем говорили в твоём присутствии исполнители? — неожиданно просит. — Ты помнишь их разговор?

— Помню, — киваю. — Они подошли ко мне в сквере, и один сразу сказал: «Наконец-то ты из дома вышла, а то мы уже устали тебя караулить». Потом другой спросил: «Ты телка того футболиста?». Второй за меня ответил: «Да, это она». Я испугалась и захотела убежать, но они схватили меня за капюшон и сказали, что еще не закончили со мной. Потом сказали, что зря я вышла из дома, ведь меня предупреждали не делать этого. Затем стали бить, — на этом моменте мой голос надламывается. — Когда я почти потеряла сознание, один из них сказал: «Думаю, хватит, а то еще коньки отбро-

сит». Тогда второй захотел меня изнасиловать. Первый не дал ему это сделать, сказав: «Задание было только разукрасить ее». Ну а третий сказал им что-то типа: «Давайте быстрее валить, а то еще придёт кто-нибудь».

Замолкаю и принимаюсь рассматривать узоры на скатерти. Я будто вернулась в ту ночь. Никогда ее не забуду. Сколько ни пыталась — не получается. И не получится.

— Как они выглядели?

Жму плечами.

— Чёрные куртки, чёрные шапки, на лицах небритость.

— Если увидишь их, сможешь узнать?

Резко поднимаю на Никиту лицо.

— Что ты задумал?

— Надо сначала искать исполнителей и через них выходить на заказчиков.

— Исполнителей невозможно найти, — повышаю голос.

— Как ты собрался их искать?

— У меня есть одна идея.

— Какая?

— Пока не могу сказать.

Мне это не нравится. Что он удумал?

Никита смотрит на часы на запястье.

— Торопишься? — перевожу тему.

— Еще есть время.

— Утром тренировка? — догадываюсь, вспоминая, что зашёл ко мне в квартиру со спортивной сумкой.

— Да, в девять утра.

— Ты приезжал в Москву по каким-то делам? — не знаю, зачем интересуюсь. Какое мне дело? Спрашиваю просто, чтобы не молчать.

— Я приехал к тебе.

Непонимающе на него гляжу.

— Когда ты прилетел?

— Наверно, полтора часа назад.

— Но у тебя же утром тренировка.

— Да, скоро поеду в аэропорт.

Изумленно хлопаю ресницами.

— Ты приехал, чтобы рассказать про смс?

— Я приехал, чтобы увидеть тебя. Ну и про смс рассказать тоже.

Он это серьезно? Вроде нет на его лице ни тени насмешливости.

— Не следовало приезжать. Мог бы позвонить и рассказать про 22 октября.

— Я хотел тебя увидеть.

На языке так и крутится вопрос про его девушку. Он же вроде встречается с какой-то итальянской моделью? Я не слежу за личной жизнью Свиридова, но коллеги из отдела культуры обсуждали это.

В сердце начинает больно поднывать. Никита своими визитами и такими заявлениями душу из меня вынимает.

— Я так рад тебя увидеть, Лиль.

В горле моментально ком вырастает.

— Пожалуйста, не говори мне ничего такого.

— Почему?

— Во-первых, потому что у тебя есть девушка. На работе кто-то из коллег обсуждал...

— У меня нет девушки, — перебивает. — Желтые журналы пишут враньё.

Сердце делает сальто.

— Все равно не говори мне ничего такого, — прошу взволнованно.

— Почему?

— Потому что это неуместно! Потому что мы расстались очень давно и по твоей инициативе. Потому что у каждого из нас своя жизнь, где нет места друг другу.

— В моей жизни есть место для тебя.

— А в моей для тебя места нет.

— Я люблю тебя, Лиля.

Господи, опять он это сказал! Отшатываюсь назад, словно меня кипятком ошпарили, и больно бьюсь затылком о холодильник у меня за спиной.

— Ты опоздал с этим признанием на шесть лет, — цежу.

— А сейчас тебе пора. Больше, пожалуйста, не приезжай.

Не споря, поднимается на ноги. Я встаю следом, чтобы быстрее его выпроводить.

— Я дам тебе знать, когда у меня появятся новости насчёт исполнителей.

— Чай свой заberi.

— Пусть у тебя останется до следующего раза.

— Следующего раза не будет, — зло шиплю, следуя за Свиридовым в прихожую. — Больше я не открою тебе дверь! А если продолжишь ко мне таскаться, то перееду в другую квартиру и ты меня не найдёшь!

Никита никак не реагирует на мои угрозы. Спокойно надевает куртку, обувает ботинки, закидывает на плечо спортивную сумку с формой.

— Будь осторожна, Лиля. Если заметишь что-нибудь подозрительное или вспомнишь какую-нибудь деталь из прошлого, сразу звони мне.

— Уходи уже! — рявкаю. — А то твой самолёт улетит без тебя!

— До встречи, Лиля.

— До никогда!

С яростью захлопываю за Никитой дверь и закрываю ее на все замки.

Глава 18. Криминальный мир

Никита

— Пенальти! — кричит судья.

Товарища по команде грубо сбили с ног, когда он вошёл в одиннадцатиметровую зону. Мы идём со счётом один-один, так что пенальти — это наш шанс победить. Хотя повалили с ног не меня, а пенальти быю я, поскольку являюсь главным нападающим. Ну и еще я единственный футболист, который ни разу не промахнулся во время пенальти.

Я по-прежнему ненавижу пенальти. Они остаются для меня самой сложной частью работы. Сейчас, когда я единственный футболист 21 века, который забил все пенальти, ответственность возросла еще больше. Промахнусь — и завтра буду на первых полосах всех газет.

Подхожу к мячу. Трибуны режут, но этот звук отходит на второй план. На секунду закрываю глаза и представляю, что Лиля здесь, смотрит на меня. Я делаю это все шесть лет — воображаю ее на трибунах. Вот она сложила руки в замок. Вот поднесла их к лицу.

Свисток судьи.

Разбегаюсь и со всей силы быю по мячу.

— Гоооооол! — кричат все вокруг.

Лилиа запрыгала от радости и схватила телефон, чтобы написать мне поздравление, которое я прочту, когда вернусь в

раздевалку.

Мотаю головой. Лиля исчезает. Рёв трибун возвращается обратно. Меня поздравляют товарищи по команде, запрыгивают мне на спину, треплют за волосы. А я как бы небрежным движением провожу ладонью по груди. Там мой талисман. Татуировка в виде цветка лилии.

До конца игры десять минут плюс добавочное время. Продержаться бы. Для меня эти минуты тянутся особенно долго, потому что мне нужно поскорее лететь в Москву. Как только свисток судьи знаменует окончание матча и победу моей команды, я самым первым бегу в раздевалку. Поздравлений от Лили, естественно, нет. Но я почему-то все шесть лет проверяю после матчей телефон именно на предмет входящих от Лили. Глупо и наивно. Но ничего не могу с собой поделать. Привычка.

У меня мало времени. Завтра тренировка, а нужно успеть сделать важное дело в Москве. Пожалуй, самое важное. У меня появилась идея, как можно найти исполнителей — самому заказать нападение на кого-нибудь. Ненастоящее, естественно. Мне просто нужно получить имена и контакты всех отморожков Москвы, которые профессионально зарабатывают на жизнь тем, что избивают людей за деньги. Ну а среди них уже отыскать именно тех, кто это сделал с Лилей.

Конечно, нет никаких гарантий. Может, они уже сидят в тюрьме или их убили такие же отморожки. Может, на мой заказ «разукрасить человека» мне дадут контакты совсем дру-

гих исполнителей. Но пока мне это видится единственным способом найти тех отморожков. Не получится — буду думать еще.

Разговор исполнителей в присутствии Лили многое мне подсказал. Судя по тому, что наёмники боялись, что Лили «отбросит коньки», они не работают с убийствами. То, что один из них не позволил второму изнасиловать Лилю, обосновав это фразой «Задание было только разукрасить ее», тоже о многом говорит. А именно, о том, что они четко выполняют данные заказчиком инструкции. Не больше и не меньше. Велели избить — значит, только избить и ничего другого.

Это существенно облегчает поиски. Самое сложное пока — в принципе войти в этот криминальный мир, где можно заказать нападение на кого-то. Мне помог охранник подъезда моей московской квартиры. Он любит футбол и, когда я приезжаю, старается со мной пообщаться. Охранник — бывший контрактник, служил в горячих точках, и не все его бывшие сослуживцы на пенсии стали заниматься полезными делами. Кто-то подался в криминал. Он дал мне телефон одного знакомого, тот дал телефон второго, а второй дал телефон третьего, а этот третий подсказал, к кому конкретно можно обратиться с таким делом.

Мой джет садится во «Внукове», я беру в аэропорту машину и еду по адресу. Хотя адресом это назвать сложно. Скорее, координаты. Нет никаких гарантий, что я сам выберусь

оттуда живым, но иных вариантов у меня нет. Ехать долго, через всю Москву на отшиб в промышленную зону. Я одет максимально неприметно, во все чёрное, и машину арендовал эконом-класса, а не премиум, на каких привык ездить. Ну и очень надеюсь, что этот криминальный авторитет, с которым у меня «стрелка», не смотрит футбол.

Когда я заезжаю на территорию заброшенных ангаров, появляется ощущение, что я попал в телевизионную передачу из своего детства «Криминальная Россия». У нее на заставке была очень запоминающаяся музыка. Согласно данным мне координатам, оставляю машину и дальше иду пешком. В марте в Москве еще морозно. Застегиваю куртку, вынимаю наружу капюшон толстовки и набрасываю его на голову.

У меня логика следующая. В моем окружении нет и никогда не было людей, связанных с криминалом. А организаторы нападения на Лилю совершенно точно — люди из моего окружения. Значит, им пришлось искать исполнителей примерно таким же сложным и рискованным путём, как мне. И они ведь их нашли? Значит, и я найду.

Минут через семь ангары заканчиваются и начинаются маленькие постройки. Куда смотрит мэрия Москвы, почему это все до сих пор не снесли? Хотя... Не удивлюсь, если кто-нибудь из мэрии крышует этих ребят. Дохожу до гаража из белого кирпича с серыми воротами. По-моему, это то, что мне нужно. Громко стучу кулаком в металлическую дверь. Она щёлкает.

Захожу. Внутри гараж выглядит как кабинет. В нос бьет запах табака. Едва сдерживаюсь, чтобы не поморщиться. Не люблю сигареты.

— Добрый день, — громко говорю.

— Иди сюда, — отвечает грубоватый мужской голос.

Замечаю в конце полузакрытую дверь. Наверное, голос доносится оттуда. Захожу и вижу седого мужика лет шестидесяти. Он сидит за письменным столом. В одной руке держит сигарету, а другой считает деньги. Много денег. Весь стол завален пяти тысячными купюрами. Я немного теряюсь от такого зрелища, но быстро беру себя в руки.

— Я от Фёдора, — говорю.

— Я понял. Садись, — указывает головой на стул рядом со своим столом.

Опускаюсь. Мужик сгребает деньги в кучу, а потом высыпает их в черный мешок для мусора. Открывает дверцу стола и убирает туда.

— Что тебе нужно?

— Разукрасить одного человека. Ищу тех, кто может это сделать.

На лице мужика нет ни капли удивления. Глубоко затягивается сигаретой.

— Кого именно разукрасить, когда, где, нужна ли предварительная слежка, насколько сильно разукрасить. Максимум подробностей.

О как. Требуют четкое ТЗ, оказывается. Ну так даже луч-

ше.

— Нужно сильно избить двадцатилетнюю девушку. Предварительная слежка тоже нужна. Сделать это на улице, желательно в темное время суток. Только избить. Не убивать и не насиловать.

Я даю четкое описание того, что произошло с Лилей.

— Девушка — кто?

— В смысле кто? — не понимаю.

— Ну, она чья-то дочка? Или чья-то подстилка? Политика какого-нибудь, олигарха. Это важно, потому что от этого зависит риск и, соответственно, стоимость выполнения заказа.

— Эм, нет, она обычная девушка из простой семьи. Но она состоит в отношениях с одним спортсменом.

— Спортсмен со связями и бабками? Он будет рыть землю, чтобы узнать, кто это сделал?

Бля... Я не готовился к таким вопросам.

— Вряд ли он будет рыть землю.

— То есть, для моих ребят риск быть пойманными невысок?

— Невысок.

Подумав пару секунд, добавляю:

— Я сам заинтересован в том, чтобы никого не нашли, в том числе меня как заказчика. Поэтому планирую замять дело.

— Выходы на ментов есть?

— Есть.

Под курткой и толстовкой с меня уже три пота сошло. Вроде мужик меня не узнал. По крайней мере никак не дал знать, что ему известно, кто я такой.

— Вот стоимость, — пишет на бумажке цифрами один миллион.

— Это рублей или долларов? — уточняю.

— Рублей.

— Хорошо.

— В эту сумму входит слежка до удобного момента и сама работа. Ее покалечат, но жить будет.

Я реально будто нахожусь в криминальной хронике. Мне стоит больших усилий сохранять естественное поведение, потому что я не просто в шоке, а в ахуе.

— Я бы хотел выбрать исполнителей.

Мужик удивленно прищуривается.

— А это еще зачем? Все мои ребята работают четко.

— Я верю, но хочу сам лично выбрать исполнителей. Я могу предварительно с ними встретиться и поговорить?

Мужик таращится на меня с тлеющей сигаретой в пальцах.

— Я готов доплатить за это, — добавляю.

— Ну ладно. Еще лям сверху.

— Идёт.

— Лучший у меня в таких делах Рома. В субботу на базе мальчики будут отдыхать. Карты, выпивка, девочки... Приходи туда и пообщаешься с ним.

Какой-то сюр.

— Хорошо.

— Деньги вперед. У меня стопроцентная предоплата.

Я не знал, сколько такое мероприятие будет стоить, поэтому взял с собой побольше денег, в том числе доллары. Но рубли тоже есть. Открываю рюкзак и достаю пачки с пяти-тысячными.

— Здесь должно быть два миллиона. Пересчитайте.

— Я верю, что тут два, — убирает пачки в стол. — Но если потом окажется, что не два, будешь доплачивать с процентами.

— Хорошо.

— Давай имя девушки, ее фотографии и координаты.

— Я сначала определяюсь с исполнителями.

— Как хочешь.

— Если мне не понравится Рома, то кто будет следующим?

— Придешь ко мне сюда, я дам тебе нового парня.

— Когда приходить?

— Я тут каждый день примерно в это время.

— Где я смогу увидеть Рому? Вы сказали, на какой-то базе в субботу.

— База — это клуб в Москве. Сам его найдешь. Ребята собираются там по субботам в десять вечера. На входе скажешь, что ты от Мама и тебе нужен Рома Скелет.

Бля, ну и пиздец.

— Я понял.

— Можешь идти.

Встаю с места и стараюсь как можно спокойнее дойти до выхода из гаража. На улице делаю глубокий вдох полной грудью. Пытаюсь побыстрее прогнать шоковое состояние и начать рационально мыслить.

Итак, что полезного я узнал?

Ну, наверное, то, что у заказчика нападения на Лилию есть лишний миллион рублей. Хотя шесть лет назад это могло стоить дешевле. Но учитывая инфляцию, в ценах тех лет это получался тот же миллион. Ну и еще, наверное, заказчик — мужчина. Женщина я не знаю, как бы отважилась войти в этот криминальный мир.

Глава 19. Во имя любви

Никита

В субботу в семь вечера мой джет приземляется во «Внукове», я беру в аэропорту большую машину с тонированными окнами и еду к Лиле. Только она может опознать исполнителей нападения. Заходить в клуб для отморожков Лилия, естественно, не будет. Я пойду туда один. Она останется сидеть в машине и ждать меня.

Телохранитель доложил, что сегодня Лилия целый день была дома, выходила только в магазин и бассейн. Я не знаю, как она меня встретит и откроет ли дверь. В прошлый раз грозилась больше меня не пускать и даже переехать, если я продолжу к ней наведываться. Лилия еще не поняла, что я от нее не отступлюсь, пока она меня не простит.

Поднимаюсь на третий этаж и звоню в дверь. На часах половина девятого.

— Кто там? — раздается из квартиры голос Лили.

— Никита. Я по очень важному делу. Открой, пожалуйста.

— Опять ты! — возмущается.

— Лиль, пожалуйста, я по делу.

Кожей чувствую, как она сомневается, пускать ли меня в квартиру. Через минуту сдаётся и открывает дверь. У меня внутри аж сжимается все, когда вижу Лилию. Она в той же

плюшевой пижаме с зайцем и с небрежным пучком на голове. Такая красивая.

— Чего тебе? — шипит. — Клянусь, я перееду, и ты меня никогда не найдёшь!

Найду. Всю землю обойду и найду.

— Говори, зачем приехал, и уезжай. Мне из-за тебя пришлось поставить на паузу сериал, а там самый интересный момент.

Я оказался для Лили интереснее сериала, раз поставила его на паузу и открыла мне дверь. Это вселяет надежду.

— Я сегодня еду на встречу с потенциальным исполнителем нападения. Но опознать его можешь только ты. Позволишь мне войти, чтобы я рассказал подробнее?

Ее глаза моментально расширяются, грудь начинает часто вздыматься. Не говоря ни слова, распахивает дверь, и я переступаю порог. Под ее пристальным взглядом раздеваюсь и первым направляюсь на кухню. Банка моего чая стоит на столешнице. Не выбросила. Это заставляет улыбнуться про себя.

— Времени не много, чай пить не будем, — приступаю сразу к делу. — В десять часов начнётся сходка отморожков в третьесортном клубе на другом конце Москвы. Там у меня встреча с потенциальным исполнителем нападения на тебя. Нужно, чтобы ты сидела в машине возле клуба и внимательно смотрела на экран. — Расстегиваю рюкзак и достаю планшет. — На мне будет скрытая камера. Она будет транслиро-

вать видео на планшет.

Мне очень не хочется, чтобы Лиля приближалась к этому отстойнику ближе, чем на несколько километров, но нет другого выхода. Камера может транслировать запись на расстоянии максимум сто метров. Так что нам еще предстоит тяжелая задача найти парковочное место вблизи клуба.

Лиля удивленно разглядывает то меня, то планшет.

— Но это же опасно! — наконец, выдаёт первую реакцию.

— Да, поэтому ты будешь сидеть на заднем сиденье машины с тонированными окнами.

— Это для тебя опасно! Ну, в смысле, идти туда.

Ого. Лиля за меня переживает. Это лучшая новость после того, как я узнал, что она не замужем.

— Другого выхода нет. Ты сможешь опознать исполнителя по видео?

— Не знаю, — отвечает неуверенно. — Шесть лет прошло. Тогда была ночь, и они были в шапках. Плюс на лицах щетина.

— Ну пока это единственная возможность опознать исполнителей.

Лиля взволнованно вздыхает.

— Как ты вышел на исполнителя?

— Сказал одному криминальному авторитету, что хочу заказать избиение человека и спросил, кто может это исполнить. Он дал мне некоего Рому Скелета.

Лиля испуганно отходит на шаг назад.

— Это единственное, что я придумал.

— Ник, ты сошёл с ума, — неодобрительно качает головой.

— Мы теряем время. Надо ехать.

— Возможно, будет больше шансов узнать исполнителя, если я услышу его голос.

— Камера транслирует только картинку, без звука. Если на входе у меня не заберут телефон, то включу диктофон.

— Я имела в виду, если услышу голос вживую. Я должна пойти в клуб с тобой.

Категорично качаю головой.

— Нет, ты туда не пойдёшь. Постарайся узнать по видео.

Лиля недовольна моим ответом. Но больше не спорит. Молча уходит в комнату одеваться. Мой взгляд перемещается в сторону банки чая. Улыбаюсь во весь рот. Лиля не просто не выбросила его, а поставила аккуратненько к стеночке рядом с другими баночками.

Как же я ее люблю... И как же я был слеп и глуп шесть лет назад.

— Я готова.

Лиля оделась в синие джинсы и серую толстовку. Волосы собрала в высокий хвост. Несколько секунд как придурок засматриваюсь на нее.

— Идём? — торопит меня.

— Д-да, — отмираю.

В прихожей Лиля надевает куртку и ботинки. Хорошо,

что выбрала удобную одежду. Мало ли что.

Машина телохранителя едет ровно за нами. Он будет охранять Лилию возле клуба. У него с собой пистолет и разрешение на ношение оружия. У меня такого разрешения нет, поэтому я пойду с ножом. И то, если не отберут на входе. Не исключено, что там досматривают незнакомцев.

— А ты с твоими миллионами долларов не мог нанять кого-нибудь, кто пошёл бы туда вместо тебя?

Резонный вопрос.

— Мог.

— Тогда почему не нанял?

— Потому что хочу лично найти каждую тварь: от исполнителей до заказчика.

Лиля вместо ответа тяжело вздыхает. Мы не говорим по дороге в клуб. Я чувствую, как она нервничает. Теревит край куртки, кусает губу. А я наслаждаюсь ее столь близким присутствием. Любуюсь украдкой на красных светофорах и умираю от желания взять за руку.

У клуба «База» нет вывески, но его легко распознать по кучкующимся рядом со входом гопникам в спортивных штанах с полосками. Они курят, пьют дешевое пиво и ржут как кони. Нам везёт: ровно через дорогу от входа есть свободное парковочное место.

— Перелезай назад, — говорю Лиле.

Она послушно пролезает между передними сиденьями. Я следую за ней. Достая из рюкзака планшет и включаю его.

Затем камеру. Цепляю ее на верхний карман куртки. Видеокамера похожа на пуговицу и сливается с чёрным цветом куртки. Открываю на планшете специальное приложение и нажимаю кнопку play. Начинается трансляция видео.

— Когда я уйду, заблокирую двери изнутри и ляг на сиденье, чтобы тебя не было видно через лобовое стекло. Никому не открывай, кроме меня. Для сегодняшнего вечера я нанял телохранителя. Он будет присматривать за тобой и машиной.

О том, что телохранитель приставлен к Лиле постоянно, конечно же, не говорю.

— Ник... — хватает меня за рукав. — Может, не надо?

Ее глаза наполнены испугом и слезами. А я расплываюсь в дурацкой улыбке.

— Чему ты радуешься?

— Тому, что ты за меня переживаешь.

Лиля дергается, как будто ее поймали с поличным. Выпускает мой рукав, поджигает губы.

— Я за тебя не переживаю. Мне безразлична твоя жизнь. Просто не хотелось бы, чтобы желтые газеты полоскали меня как свидетельницу смерти главного нападающего нашей сборной.

— Скажешь им, что я умер во имя любви.

Бьет меня со всей силы кулаком в плечо.

— Идиот! Это не смешно! Вдруг тебя и правда убьют? Они же отморозки!

— Тогда перед смертью я должен кое-что сделать, иначе

не смогу умереть спокойно.

— Что сделать?

— Поцеловать тебя.

Пока Лиля не успела опомниться, беру ее лицо в ладони и льну к губам.

Глава 20. Рома Скелет

Никита

Лиля замирает, не двигается. Пользуясь ее растерянностью, жадно целую. В бошке происходит взрыв. Память отбрасывает меня в самые счастливые дни моей юности, когда я мог целовать Лилю, сколько хотел, и она никогда не была против. Сминаю ее губы. То нежно ласкаю их, то наоборот страстно кусаю. Она по какой-то причине не отталкивает меня, но и не отвечает на поцелуй. Словно одеревенела.

Вжимаю ее в мягкую спинку кресла, пускаю ей в рот свой язык. Наслаждаюсь. Это крышесносная эйфория. В каждой клетке моего тела фейерверки взрываются. Последние шесть лет я и близко не испытывал ничего подобного. Умираю — так хорошо, так сладко ее целовать. Моя. Никогда не отпущу и никому не отдам.

— Люблю тебя, — шепчу ей в губы.

Лиля словно пробуждается от сна. Дергается, упирается ладонями мне в грудь.

— Хватит, я прошу тебя.

Слышу, как ее голос надламывается. Я бы целовал Лилю дальше, не останавливаясь, но понимаю, что сейчас лучше притормозить.

Отстраняюсь назад. Лиля опустила глаза, ресницы быстро порхают, как птички. Часто дышит. Дрожит. Я до ломоты в

костях хочу просто обнять Лилю, успокоить, пообещать, что все будет хорошо, и обязательно это исполнить. Но больше не притрагиваюсь к ней. Достая из рюкзака черную бейсболку и надеваю на голову.

— Я пошел. Закрой двери изнутри и никому не открывай. Ляг на сиденье, чтобы тебя не было видно через лобовое.

— Пожалуйста, Ник, будь осторожен, — она снова испуганно хватается за рукав моей куртки и поднимает на меня глаза, полные ужаса.

— Я буду осторожен, — обещаю.

Быстро открываю заднюю дверь и выхожу. Стою пару секунд на морозе, чтобы привести поплывшие от поцелуя мозги в порядок. Гопники продолжают кучковаться на входе. Курят, матерятся, ржут. Очень надеюсь, что они не смотрят футбол и рекламу по телевизору. Не хотелось бы, чтобы меня узнали.

Слегка опустив голову, перехожу дорогу. Несколько отморожков обращают на меня внимание, когда подхожу ко входу в клуб. Жалею, что оделся в джинсы и ботинки. Надо было в спортивные штаны с полосками по бокам и кроссовки. Может, сошёл бы за своего.

— Чего тебе? — недружелюбно спрашивает охранник на входе.

Впрочем, охранником его можно назвать с большой натяжкой. Такой же гопник, как все остальные. Кто-то поставил его сюда следить, чтобы не зашёл никто посторонний.

А я совершенно точно посторонний.

— Я от Мамаё. Мне нужно поговорить с Ромой Скелетом.

Охранник недоверчиво прищуривается.

— О чем поговорить?

— О заказе.

— Каком заказе?

— Не могу сказать. Если Рома тут, передай ему, что пришел человек от Мамаё обсудить заказ.

Охранник чавкает жвачкой, сомневаясь пускать ли меня.

— Что у тебя с собой?

— В смысле?

— Оружие есть?

У меня спрятан нож в ботинок.

— Нет, можешь обыскать.

Оглядывает меня с подозрением с головы до ног. Я не брал с собой рюкзак, чтобы было меньше желания меня обыскивать.

— Выверни карманы, — приказывает.

Послушно выворачиваю пустые карманы куртки.

— Ладно, проходи.

Не благодаря, открываю дверь и попадаю внутрь «Базы». Здесь так накурено, что глаза режет. Непонятно, зачем гопники выходят курить на улицу, если тут это не запрещено. Хотя здесь так шумно из-за музыки и гогота, что вряд ли получится расслышать собеседника.

Помещение небольшое и обставлено облезлыми диванами

со столами. Отморозки развалились на них и играют в карты. На столах валяются деньги. На коленях у гопников елозят полуголые девушки.

— Мне нужен Рома Скелет, — говорю первому попавшемуся отморозку.

— Вон он, — тычет пальцем на темноволосого парня на одном из диванов. Он курит, пьет пиво и играет в карты.

Делаю несколько шагов и останавливаюсь в толпе. Достая из заднего кармана джинс телефон и как можно более незаметно включаю диктофон. Затем продолжаю путь к Роме. Он увлечён процессом, громко что-то говорит товарищам. Может, сейчас не лучший момент, чтобы беспокоить его, но я не могу торчать тут в ожидании подходящей минуты. Подхожу к нему сзади и сразу понимаю, почему его прозвали Скелетом. На ладонях и руках у отморозка татуировки, имитирующие кости. Подозреваю, что у него такая картина по всему телу, и она похожа на человеческий скелет.

Хлопаю Рому по плечу и становлюсь так, чтобы его физиономия попала в мою скрытую камеру. У него гладко выбрито лицо, карие глаза и короткий темный ёжик на голове.

— Ты кто такой? — недоволен тем, что я оторвал его от игры.

— Я от Мама, пришел обсудить заказ.

— Аааа, — с пониманием тянет и внимательнее ко мне присматривается. — Да, Мамай говорил, что появился капризный клиент.

— Поговорим?

— А че говорить, вот он я, смотри на меня.

Рома опускает карты себе на колени и разводит руки, мол, любуйся. Это длится несколько секунд.

— Че? — недовольно спрашивает. — Рожей не вышел?

— Я хотел поговорить.

— О чем говорить? Я такие заказы, как семечки щелкаю. Не веришь? Могу на тебе продемонстрировать.

Он злится. То ли из-за того, что оторвал его от игры в карты, то ли из-за того, что сомневаюсь насчёт его кандидатуры. Думаю, его мерзкое лицо хорошо попало в кадр, и Лиля смогла рассмотреть, так что можно закругляться. Но не уверен, что диктофон записал голос. Тут слишком шумно.

— Хорошо. Я свяжусь с Мамаем, — отвечаю обтекаемо, не давая обещаний.

Разворачиваюсь, чтобы пойти на выход. Кажется, за одним из столов начинаются разборки. Игроки в карты что-то не поделили. Протискиваюсь через толпу, как резко на кого-то налетаю. Поднимаю голову. Передо мной очередной гопник.

— О, а я тя знаю! — восклицает и лыбится, демонстрируя мне золотой зуб.

Блядь! Все-таки узнал кто-то.

— Ты тот футболист. Как его...? Забыл имя. Ну, ты, в общем, тот.

— Не, я просто на него похож. Нас все путают.

— Да не гони! Я тя знаю!

Отрицательно качаю головой. Гопник в два раза больше меня и смахивает на великана. Мне тяжело его обойти, учитывая, что мы стоим в толпе. Разборки за одним из карточных столов становятся громче и жарче. Участники конфликта уже поднялись на ноги, скинув с себя дешевых проституток, и активно жестикулируют.

— Да ты тот! Брат моего кента ты знает.

Столбенею от неожиданного заявления.

— В смысле знает меня? По телевизору видел?

— Не. Сам знаком с тобой. Мой кент рассказывал...

Окончание фразы тонет в звуке громкого выстрела. Я инстинктивно наклоняюсь. Следом за выстрелом звучит панический женский визг. Потом снова выстрел. Опять женский визг и мужские крики. За тем столом с разборками началась драка. Еще выстрел, потом еще выстрел.

Блядь, надо уносить отсюда ноги. Они вроде в потолок стреляют, но не удивлюсь, если скоро начнётся перестрелка между ними. Обхожу гопника, но не тут-то было. Он хватает меня за руку и разворачивает к себе.

— А ты че тут делаешь вообще?

Восторг на его лице от встречи с известным футболистом сменился подозрительностью.

— Зашел не в ту дверь.

Резко вырываю руку и устремляюсь на выход. Это сложно, учитывая, что толпа не желает расходиться в ожидании жа-

реного. Серия новых выстрелов оглушает меня. Начинается драка. Зрители принимаются скандировать имена, и никто не хочет даже на шаг отступить, чтобы я прошёл к двери. Опять выстрелы и женский визг.

— Сукаааа! Бляяя! — ревет кто-то.

Инстинктивно поворачиваюсь на голос. Одному из участников конфликта прострелили ногу. Я силой расталкиваю всех, кто мешает мне пройти к выходу. Новая порция выстрелов — и с потолка что-то начинает падать. Толпа зрителей вконец озверела. Они напоминают мне футбольных болельщиков. Те точно так же сходят с ума.

Зрители начинают драться. За считанные секунды всех охватывает безумие. Не разбирая, кто есть кто, бьют друг друга. Мои шансы выбраться отсюда невредимым близки к нулю. Только я об этом думаю, как чувствую резкую пронзительную боль в правом плече. До меня не сразу доходит, что это. Только через несколько мгновений замечаю у себя в руке стеклянное горлышко от бутылки пива. Оно проткнуло куртку, джемпер и зашло глубоко под кожу.

От боли рябит перед глазами. Стиснув зубы, сам вынимаю из плеча стеклянное горлышко. Кровь брызжет фонтаном. Блядь. Только этого мне не хватало. Новая порция выстрелов заставляет меня поторопиться на выход. Совсем немного осталось. Не выпуская из левой руки кусок бутылки, со всей силы расталкиваю дерущихся.

Наконец-то выход! Охранника нет. Наверное, принимает

участие в драке. Но дверь закрыта! Сука, дверь не открывается! Я пытаюсь выбить ее ногами, а она не поддается. Достая из ботинка нож и пробую пробить им замок. Не помогает. Тогда снова долблю ногами.

Неожиданно, когда я уже замахнулся на новый удар, дверь сама распахивается. На пороге стоит Лиля с ключом в руке.

Глава 21. Хочу тебя

Лиля

По разворачивающемуся на видео хаосу понимаю, что Никита попал в западню. Там и драка, и перестрелка. Выстрелы слышны аж мне в машине. Меня охватывает паника, я то и дело порываюсь выбежать из автомобиля, но останавливаю себя. Это будет глупо, а если со мной что-то случится, то я добавлю Никите проблем.

Звучит новая серия выстрелов, от которой меня прошибает холодным потом. Сердце колотится в районе глотки, я мечусь по заднему сиденью, не зная, куда себя деть. На видео полная неразбериха, словно Никита в какой-то куче. У входа в клуб стоит охранник и нервно курит.

Снова выстрелы.

— Что происходит!? — кричит громкий женский голос. — Опять в вашем гадюшнике какая-то оргия! Я сейчас вызову полицию! Вы надоели! Ночь на дворе, дети спят! Прекратите немедленно!

Я так понимаю, это жительница близлежащего дома. Ее слова имеют эффект. Охранник испуганно бросает сигарету, поворачивается к двери в «Базу», возится с ней несколько секунд, а затем убегает. Просто убегает куда-то по тротуару. Я перевожу взгляд на видео, там все то же самое. Никита пытается пробраться сквозь бешеную толпу. Наконец, ему

это удаётся. Но он не может открыть дверь! Она закрыта!

Догадка моментально простреливает меня. Это охранник ее закрыл! И убежал! Господи...

Все, больше я не могу сидеть в машине, сложа руки. Пулей вылетаю из салона и перебегаю дорогу. Ключ торчит в двери. Ну хоть не забрал с собой. Поворачиваю его в замке и открываю Никите дверь.

— Ты в порядке? — спрашиваю первое, что приходит на ум.

— Уезжаем отсюда.

Он захлопывает дверь и хватается меня за руку. В другой он держит окровавленное горлышко от бутылки. Буквально через секунду мы уже сидим на передних сиденьях машины. Никита резко трогается с места и выжимает педаль газа до упора. На весь салон противно пищит датчик о том, что мы не пристегнули ремни. Я пристёгиваюсь, а вот Никита и не думает это делать. Смотрю на него и замечаю, как из плеча хлещет кровь.

— Никита, у тебя кровь! — восклицаю в панике.

— Да, нужно в больницу. Посмотри в интернете круглосуточную клинику.

Я присматриваюсь к рукаву его куртки и понимаю, что он весь насквозь в крови — хоть отжимай. Она скоро будет капать с краев.

— Сними куртку, давай перевяжу тебе руку.

Стаскиваю с себя шарф. Никита медленно сбавляет ско-

рость и тормозит у обочины. Рана очень глубокая, надо срочно зашивать. А пока я крепко перевязываю ее своим шарфом. Он серого цвета, но моментально становится красным. У меня трясутся руки, да и всю меня колотит от страха и нервов. Никита падает затылком на подголовник и закрывает глаза, пытаюсь успокоиться. Мы достаточно далеко уехали, вряд ли нас кто-то догонит, так что можно перевести дух.

— Ты узнала его? Это был он? — спрашивает, не открывая глаз.

— Нет.

— Нет — не узнала? Или нет — это был не он?

— Не знаю, — произношу обреченно. — Мне кажется, не он. Но могу ошибаться. Исполнители были в шапках, но щетина на их лицах была светлой. Значит, и волосы у них тоже светлые. Ну, я так думаю. А этот гладко выбрит, но брюнет. Если представить его небритым, то, наверное, щетина будет чёрной. Ну и плюс у него на руках татуировки, а у тех отморожков татуировок на видимых местах не было. Но это ничего не значит. За шесть лет он мог сделать сколько угодно татуировок. А еще у меня остался ключ от этого клуба.

Никита открывает глаза, и я демонстрирую ему металлический ключ от двери.

— Молодец. Хорошо, что не выбросила его там.

— Почему?

— Потому что тогда на нем бы остались твои отпечатки. Я тоже забрал с собой бутылку, которой мне проткнули руку.

В полумраке салона я замечаю, что Никита сильно побледнел, лицо покрылось испариной. Он теряет кровь, надо срочно в больницу. Принимаюсь искать в интернете адреса круглосуточных клиник и нахожу одну неподалёку. Мы едем туда. Никиту сразу принимает дежурный хирург. Я остаюсь ждать в коридоре. Сажусь на диван и падаю лицом в ладони.

Я не испытывала подобного страха с той ночи, как на меня напали. Только сегодня я боялась не за себя, а за Никиту. Да, хватит обманывать саму себя, что мне безразлична жизнь Свиридова. Небезразлична. Я чуть с ума не сошла, пока он там был. Никита дорог мне как... просто как человек, которого я давно знаю. Да, именно так. Я не люблю его, но он мне дорог как старый друг.

Через час Никита выходит из кабинета хирурга. Все такой же бледный.

— Что сказал врач? — спрашиваю, когда он опускается рядом со мной на диван.

— Все будет нормально.

— Ты потерял много крови.

— Не так уж и много. Ты сама как?

— Я в порядке.

— Поехали отвезу тебя домой.

— Ты точно можешь вести машину?

— Конечно.

— А утром у тебя тренировка?

— Нет, к счастью. Воскресенье же.

Хорошо, что Никите не надо на футбольное поле. Вообще не представляю, как после такого приключения он пошел бы утром на тренировку. Мы возвращаемся в машину. От клиники до моего дома едем спокойно. Не верится, что все закончилось. Я чуть не поседела, пока Никита был в том гадюшнике.

— Когда я шёл на выход, — Никита прерывает наше долгое молчание, — меня узнал один из гопников, находившихся там. Он сказал, что «брат его кента» знает меня лично. Я не могу вспомнить ни одного своего знакомого, связанного с криминалом. Может, ты вспомнишь? Шесть лет назад у меня были такие знакомые?

Задумываюсь.

— Не знаю... — отвечаю неуверенно. — Мне кажется, нет.

— Давай вместе хорошо подумаем. С кем я общался шесть лет назад?

— Да ни с кем особо ты не общался, кроме Вовы и Сережи. У Вовы нет братьев, у Сережи был старший брат, но он давно переехал в США.

— А сам Серега где? На встрече выпускников его не было.

— Он в Канаде.

— Что он там делает? — удивляется.

— Поехал учиться в магистратуру и остался.

Никита обреченно выдыхает.

— Ну и ребус.

Это точно. Пытаюсь перебрать в памяти весь наш круг знакомых шестилетней давности. И близко никого не было, связанного с криминалом. Ну или кто-то вёл тайную жизнь, а мы о ней не знали.

Мы подъезжаем к моему дому. Никита глушит мотор и явно собирается выходить из машины вслед за мной. Я снова чувствую себя неловко. Мне неудобно прогонять Свиридова после ранения, которое он получил. В конце концов, Никита ищет моих обидчиков. На часах три часа ночи, а я такую дозу адреналина получила, что сна ни в одном глазу. На кухне включаю чайник и ставлю две кружки, пока Никита без сил упал на стул.

— Что делать с ключом от клуба? — спрашиваю.

— Давай мне.

Вытаскиваю его из кармана и передаю Никите.

— А стекло от бутылки выброси, — Ник расстёгивает рюкзак и отдаёт мне окровавленное горлышко. Отправляю его в мусорное ведро.

— Как рука?

— Нормально.

Подхожу к Никите, чтобы лучше посмотреть рану. Отдвигаю в сторону края разорванного рукава.

— Она кровоточит, Ник! Повязка в крови.

— Да это рукав в крови, вот он и испачкал повязку.

— Надо ее поменять.

— А ты умеешь это делать?

— Ну, у меня есть бинт.

Я и близко не медсестра, но перевязать рану бинтом смогу. Ухожу в комнату за ним и ножницами.

— Иди сюда на свет.

Никита встает со стула и становится у столешницы так, чтобы на руку лучше попадал свет от люстры.

— Сними джемпер, — командую.

Никита послушно стягивает его и бросает на стул. Я замираю с бинтом и ножницами в руках. Таращусь на грудь Никиты.

— Что это? — спрашиваю, опешив.

— Татуировка.

Я вижу, что татуировка. Но... У меня нет слов. Мне точно не мерещится? У Никиты на всю грудь набит цветок лилии. Это же лилия? Да, лилия. Уж я точно знаю, как выглядит цветок, в честь которого меня назвали.

Краска заливает меня от корней волос до самых пят. Быстро отвожу взгляд от татуировки к окровавленной повязке на руке. Зачем я попросила Никиту снять джемпер? Хотела помочь, а в итоге... Пусть бы он лучше ходил с окровавленной повязкой. И дело не только в татуировке. Тело Никиты... Господи, оно совершенно. Стало еще лучше, чем шесть лет назад.

Я разлюбила Никиту, но все же какой же он красивый. Аж дух захватывает.

Стараясь не отвлекаться на татуировку и идеальные куби-

ки пресса, разрезаю ножницами повязку на руке. Но не отвлекаться не получается. Взгляд так и норовит переместиться к грудной клетке Свиридова. А еще он неотрывно смотрит на меня сверху вниз и тяжело дышит. Кожу на лице покалывает от его взора.

— Что означает твоя татуировка?

Зачем я это спрашиваю? Вопрос сам вырвался. Я не успела вовремя прикусить язык.

— Она означает тебя.

Сердце делает сальто, в горле пересыхает. Быстро сглатываю, а не помогает.

— Давно сделал? — любопытство так и прет из меня, ничего не могу с собой поделать.

— Шесть лет назад.

— Зачем?

— Чтобы ты была со мной на каждом матче.

— Дурак.

Колени слабеют. Я стараюсь побыстрее замотать рану чистым бинтом. Потому что это выше моих сил. Никита стоит прямо передо мной голый по пояс с татуировкой, сделанной в мою честь, и, кажется, я чувствую, как у меня наливается тяжестью низ живота.

Нет, только не это! Я не могу испытывать сексуальное возбуждение рядом со Свиридовым! Я же его больше не люблю! Давно не люблю!

Но с каждой секундой пожар внизу усиливается. То, как

Никита смотрит на меня, подливает масла в огонь. А еще в памяти так некстати всплывает поцелуй в машине. Я специально сразу не оттолкнула Никиту. Хотела прислушаться к своим чувствам и ощущениям. И они мне не понравились. Мне категорически не понравилось то, что я почувствовала во время поцелуя с Никитой. Я не могу, я не должна испытывать подобные ощущения от губ Свиридова. Потому что я его больше не люблю!

— Готово! — радостно объявляю, завязав бинт.

Делаю резкий шаг в сторону, но Никита перехватывает меня за талию и вжимает в кухонную столешницу. Это происходит за секунду. Я вдохнуть не успеваю, как его губы снова впечатываются в мои. Уже второй раз за этот вечер.

Никита обнимает меня обеими руками и целует. Жадно, страстно. Сейчас при всем желании я его не оттолкну, потому что Свиридов как скала. Но проблема еще в том, что я не хочу отталкивать Никиту. Я обмякаю в его сильных крепких руках и позволяю меня целовать. А потом и вовсе творю немыслимое — кладу ладони ему на спину и начинаю отвечать на поцелуй.

Мы целуемся безумно. Оба теряем голову. Во мне проснулись все желания, которые спали очень много лет. Мне хочется большего. Руки Никиты проскальзывают мне под кофту, и я не возражаю. Наоборот, зажмуриваюсь, как довольная мартовская кошка. Ловким движением он расстёгивает лифчик и накрывает ладонями груди.

Меня пронизывает дрожью наслаждения. Воздуха катастрофически не хватает. Я прерываю сумасшедший поцелуй и жадно хватаю ртом кислород, пока Никита продолжает ласкать меня под кофтой. Он переходит поцелуями на мое лицо, шею. Ни на секунду не останавливается. Всю меня осыпает поцелуями.

Я тоже не могу отказать себе в удовольствии не потрогать его идеальное спортивное тело. Вожу руками по спине, потом по кубикам пресса и перехожу на грудную клетку с табуировкой в мою честь.

Дурак. Идиот. Безумец. Зачем он ее сделал? Совсем с ума сошёл.

Никита подхватывает меня под ягодицами, чтобы унести из кухни. Обвиваю ногами его торс. Мы сливаемся в новом безумном поцелуе. Внизу живота уже больно ноет. Я и забыла эти ощущения. Не думала, что они когда-нибудь ко мне вернуться. Вряд ли дело конкретно в Свиридове, успокаиваю сама себя. Я с любым другим парнем могу испытать подобное желание, если окажусь в такой же ситуации — когда он с идеальным телом стоит передо мной голый по пояс. Никита, Вася, Петя, Коля... какая разница? Я же не фригидная, в конце концов. Всего лишь бесплодная.

Никита валит меня на кровать. Отрывается на секунду от моих губ и шепчет:

— Люблю тебя.

Не могу ответить тем же. Поэтому говорю то, что действи-

тельно к нему чувствую:

— Хочу тебя.

Глава 22. Фейерверки

Лиля

Никита снова впивается в мои губы, весом своего тела вжимает меня в кровать. Обнимаю его спину, наслаждаясь тем, какой он сильный. Свиридов целует меня долго и глубоко, я начинаю ерзать от нетерпения. Мне мало этого страстного поцелуя, я хочу больше и поскорее.

А Никита будто специально не торопится. Отпускает мой рот и идет губами ниже. Нежно целует тонкую кожу на шее, рисует узоры кончиком языка, слегка покусывает ключицы. У меня между ног пожар и водопад одновременно. Я умираю от нетерпения, пока Никита тратит время впустую на бессмысленные поцелуи.

Наконец-то он снимает с меня кофту и отбрасывает в сторону лифчик. Несколько секунд пьяными жадными глазами любит мою грудь, а потом припадает к ней губами. Выгибаюсь дугой и запрокидываю назад голову, издавая тихий стон.

— Я так скучал по твоему телу, любимая.

Никита словно намеренно растягивает удовольствие. Ощущения захлестывают меня волнами,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.